ЛИВИЯ НОРВЕЙН

РАЗВОД.

Я ЖДАЛА ТЕБЯ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Ливия Норвейн
Развод. Я ждала тебя восемь лет

https://litres.ru/74736137
SelfPub; 2026

Аннотация

— Вер, я не останусь. У меня другая.

Муж сказал это вечером того дня, когда я забрала его из колонии.

Восемь лет я ждала Кирилла. Растила нашу дочь, ездила на свидания, собирала передачи, работала за двоих. В письмах он обещал: «Скоро мы снова будем семьей».

Но за полтора года до освобождения он уже выбрал другую. А через несколько дней после ухода попросил меня взять кредит на шестьсот тысяч — чтобы начать свою новую жизнь.

Я подала на развод. Только как отпустить человека, ради которого восемь лет откладывала собственное счастье?

Именно тогда в моей жизни появляется Андрей Беляев — бывший партнер мужа. Человек, которого я считала виновником его заключения. Теперь нам приходится работать вместе, и правда о прошлом оказывается совсем не той, какой ее рассказывал Кирилл.

Рядом с Андреем я снова чувствую себя женщиной, которую любят и слышат.

И когда я наконец решаюсь полюбить снова, бывший муж хочет вернуться.

Он уверен: я все еще жду.

Содержание

Глава 1. День, которого я ждала 5
Глава 2. Кредит на твою новую жизнь 65
Глава 3. Человек из зала суда 117
Конец ознакомительного фрагмента. 148

Ливия Норвейн
Развод. Я ждала тебя восемь лет

Глава 1. День, которого я ждала

В день освобождения мужа я проснулась в половине пятого утра.

Будильник должен был прозвенеть через час, но я уже лежала с открытыми глазами и прислушивалась к тому, как за окном проезжали редкие машины. Потом встала, поправила одеяло, зачем-то проверила, закрыто ли окно, и пошла на кухню.

На столе стоял пакет с новой одеждой для Кирилла. Темные джинсы, две футболки, рубашка, кроссовки. Размер я уточняла у него еще в феврале. Он тогда посмеялся и написал, что за восемь лет вряд ли сильно изменился.

Я развернула рубашку, осмотрела воротник и аккуратно сложила обратно.

Вчера я уже делала это дважды.

Из комнаты выглянула Соня.

— Мам, ты чего не спишь?

На ней была моя старая футболка, которую она забрала

себе еще зимой. Волосы торчали в разные стороны.

— Проснулась. А ты?

— Тоже.

Она подошла к столу и посмотрела на пакет.

— Думаешь, подойдет?

— Должно.

— А вдруг он не любит такие рубашки?

— Тогда выберет другую.

Соня некоторое время молчала, потом спросила:

— Мам, а он вообще знает, какая я теперь?

Я подняла на нее глаза.

— В каком смысле?

— Ну, он же меня маленькой помнит.

Я хотела напомнить про фотографии, звонки и свидания. Мы ездили к Кириллу вместе, когда разрешали. Он видел, как Соня росла, слышал ее голос, получал снимки со школьных праздников.

Но все это было не совсем то же самое, что жить рядом.

— Знает, — сказала я. — Просто ему тоже понадобится немного времени привыкнуть.

Соня кивнула.

— Я ему рисунки покажу. Только не сразу. А то вдруг устанет с дороги.

— Покажешь, когда захочешь.

— Я не маленькая, мам.

— Знаю.

Она открыла холодильник, постояла перед полками и закрыла дверцу, ничего не взяв.

— Мы сегодня правда все вместе ужинать будем?

— Конечно.

— И завтра?

Я улыбнулась.

— Сонь, папа возвращается домой. Теперь у нас будет много совместных ужинов.

Она посмотрела на меня с таким облегчением, что я окончательно поверила собственным словам.

Хотя верила в них и без того.

Восемь лет я представляла себе этот день.

Поначалу думала, что встречу Кирилла прямо у ворот, обниму и заплачу. Потом, когда прошло несколько лет, представляла все спокойнее. Мы сядем в машину, он положит ладонь мне на колено, спросит о Соне. Дома примет душ, наденет чистую одежду и долго будет ходить из комнаты в комнату, разглядывая вещи.

Наверное, мы не сразу найдем общие слова.

Наверное, первые недели окажутся трудными.

Я читала об этом, разговаривала с другими женами, слушала советы психолога, к которому однажды ходила из-за Сони. Я понимала, что после стольких лет человек не может просто войти в квартиру и продолжить жизнь с того места, где она оборвалась.

Но я была готова подождать еще немного.

С ожиданием у меня вообще получалось лучше всего.

К шести утра я сварила кофе, собрала документы, проверила телефон и позвонила матери.

— Мы выезжаем через двадцать минут.

— Машина нормально завелась?

— Да, мам.

— Заправилась вчера?

— Заправилась.

— Деньги взяла?

— Взяла.

Мама помолчала.

— Верочка, ты только не волнуйся. Он ведь тоже переживает.

— Я знаю.

— И не жди, что он с порога начнет говорить красивые слова. Мужчины по-другому устроены.

— Мам, давай потом.

— Ладно. Позвони, когда доберетесь.

Я закончила разговор.

Мама желала мне добра. Именно поэтому последние восемь лет часто говорила вещи, от которых мне хотелось закрыть уши.

Не обращай внимания, он устал.

Не обижайся, ему там тяжело.

Потерпи, еще немного осталось.

Я терпела.

Правда, иногда сама произносила все это раньше, чем она успевала.

Соня появилась на кухне уже одетая. Светлые джинсы, белая кофта и тонкая джинсовая куртка. Волосы она собрала в хвост, но перед выходом распустила.

— Так лучше? — спросила она, повернувшись.

— Мне оба варианта нравятся.

— Мам, ну скажи нормально.

— Так красивее.

Она довольно улыбнулась и побежала за рюкзаком.

Я заранее предупредила классного руководителя, что Соня пропустит один день. Учительница знала нашу историю и пожелала удачи.

На работе меня должна была заменить Тамара. Заказ на шторы для детской мы закончили вчера вечером, а новые ткани привезут только завтра. Я специально оставила этот день свободным.

Впервые за несколько лет я никуда не спешила из-за работы.

И все равно продолжала поглядывать на часы.

Когда мы вышли из подъезда, Соня остановилась возле машины.

— Мам.

— Что?

— А вдруг папа нас не узнает?

Я открыла багажник.

— Меня точно узнает.

— А меня?

— Ты сама его узнаешь?

— Конечно.

— Вот и он тебя узнает.

Она села на переднее сиденье и пристегнулась.

Я обошла машину, положила вещи в багажник и еще раз посмотрела на окна нашей квартиры.

В спальне были застелены две стороны кровати.

В ванной стояли две новые зубные щетки.

На кухне лежало полотенце, которое я купила Кириллу вместе с рубашкой.

Все было готово.

Оставалось только привезти его домой.

***

Дорога заняла чуть больше двух часов.

Поначалу Соня разговаривала без остановки. Рассказывала, что покажет отцу, куда они сходят и как она наконец познакомит его с подругами.

Потом стала смотреть в окно.

Я включила радио, но почти сразу выключила.

За городом тянулись поля, зеленые после недавних дождей. По обочинам цвели одуванчики. Впереди медленно шел грузовик, и мне пришлось несколько километров ехать

за ним, пока дорога не расширилась.

— Папа говорил, что хочет к морю, — вспомнила Соня.

— Говорил.

— Мы летом поедем?

— Надо сначала посмотреть, как у него будет с работой.

— Ты же сказала, мы можем накопить.

— Можем.

— Тогда поедем?

— Обсудим втроем.

Она задумалась.

— А он умеет плавать?

Я невольно улыбнулась.

— Очень хорошо. Он тебя учил, когда ты была маленькая.

— Я не помню.

— Тебе тогда было четыре. Мы ездили на озеро, и ты боялась отпускать его за шею.

— А потом?

— Потом он держал тебя за живот, а ты гребла руками и кричала, что сама плывешь.

Соня засмеялась.

— Ну, это на меня похоже.

Я тоже засмеялась.

Воспоминание оказалось таким ясным, что на несколько секунд я снова увидела нас троих на берегу. Кирилл стоял по пояс в воде, волосы у него были мокрые, а Соня висела на его руках и требовала отпустить ее.

Он тогда был хорошим отцом.

По крайней мере, я так помнила.

В последние годы я часто возвращалась к тому времени.

Не только потому, что все последующее оказалось тяжелым. Мне хотелось сохранить для дочери что-то настоящее.

Когда Кирилла арестовали, Соня еще ходила в детский сад.

Она спрашивала, почему папа не приходит за ней вечером.

Я говорила, что у него неприятности и он не может вернуться.

Потом появились письма, свидания, поездки.

Сначала Соня рисовала папе солнце и домики. Потом научилась писать длинные записки. В начальной школе рассказывала о контрольных, позже стала делиться новостями о друзьях и учителях.

Кирилл отвечал не на каждое письмо, но всегда спрашивал о ней во время наших разговоров.

Когда она болела, переживал. Когда получила первую тройку, советовал не расстраиваться. Когда сломала руку, просил позвонить сразу после приема у врача.

Я знала, что он любит дочь.

И думала, что этого достаточно, чтобы мы снова стали семьей.

— Мам, смотри.

Соня показала мне телефон.

На экране была фотография, сделанная лет пять назад. Я стояла возле железного забора, держа ее за руку. Она была в смешной розовой шапке, которую ненавидела.

— Откуда она у тебя?

— В старом альбоме нашла. Ты тогда говорила, что я все время плакала.

— Потому что не хотела уезжать.

— Я помню, что папа мне конфету дал.

— Да.

— А почему ты не ела?

— Что?

— Конфету. Он ведь две передал.

Я удивилась, что она помнила.

— Не хотелось.

Соня убрала телефон.

На самом деле я тогда не могла проглотить даже воду.

Наша поездка закончилась раньше, чем я рассчитывала. Соня расстроилась, Кирилл пытался ее успокоить, а потом нас попросили выходить.

Обратно я ехала с ощущением, что снова оставила мужа одного.

Так было почти после каждого свидания.

Сейчас я везла его домой.

Больше не нужно было укладывать в сумку разрешенные продукты, рассчитывать дорогу, записываться заранее, узнавать, удастся ли приехать в выбранный день.

Больше не нужно было возвращаться без него.

— Мам, — тихо сказала Соня, — ты плачешь?

Я быстро провела ладонью под глазом.

— Нет. Просто солнце.

Она посмотрела на пасмурное небо, но ничего не сказала.

***

Мы приехали раньше назначенного времени.

Я припарковалась на небольшой площадке и заглушила двигатель. Соня сразу потянулась к дверной ручке.

— Подожди. Еще рано.

— А сколько?

— Минут двадцать, наверное.

Она откинулась на сиденье.

— Можно я выйду? Я не могу сидеть.

— Только далеко не отходи.

Мы вышли почти одновременно.

Было прохладно. Ветер трепал Сонины волосы, и она то и дело убирала их с лица.

Я поправила воротник ее куртки.

— Не надо, мам.

— Хорошо.

Она постояла рядом, потом отошла на несколько шагов и принялась рассматривать дорогу.

Я достала телефон.

Последнее письмо Кирилла пришло три недели назад.

«Вер, осталось совсем немного. Я сам пока не верю. Не хочу ничего загадывать, но больше всего мечтаю увидеть вас без этих стен и чужих людей. Соскучился по дому. По тебе, по Соньке. Спасибо, что не бросила».

Я перечитала эти строки еще вчера.

Сегодня хотелось услышать их вслух.

Мимо проехала белая машина. Из нее вышла пожилая пара. Женщина поправила на руке часы, мужчина достал из багажника сумку.

Я посмотрела на них и вдруг подумала, что не знаю, что делать, когда Кирилл появится.

Обнимать сразу?

Дать ему сначала обнять Соню?

Целовать при дочери?

Глупости.

Мы прожили вместе семь лет до его ареста. Я знала, как он пил кофе, как спал, какой стороной поворачивался ко мне ночью. У нас был ребенок, общие привычки и столько прожитых дней.

И вот я стояла на парковке, пытаясь решить, можно ли поцеловать собственного мужа.

— Мам!

Я обернулась.

Соня смотрела в сторону выхода.

Я тоже посмотрела.

Кирилл шел к нам с темной сумкой в руке.

Я узнала его сразу.

Он стал суше, в волосах появилась седина, лицо выглядело старше, чем на последних фотографиях. Но походка осталась прежней. Чуть разворачивая правое плечо, он двигался быстро, будто торопился на автобус.

Когда заметил нас, остановился.

Соня первой побежала к нему.

— Папа!

Кирилл поставил сумку на землю и раскрыл руки.

Он обнял ее так крепко, что я услышала ее приглушенный смех.

— Сонька...

— Я уже Соня!

— Прости. Соня.

Он отстранился, взял ее за плечи и долго смотрел на лицо.

— Совсем взрослая.

— Мне тринадцать, вообще-то.

— Знаю. Просто...

Он не закончил.

Соня снова прижалась к нему.

Я стояла возле машины.

Кирилл поднял голову.

Наши взгляды встретились.

— Привет, Вер.

Всего два слова.

Я столько раз представляла, как он их произнесет, что на мгновение растерялась.

Потом подошла.

— Привет.

Он отпустил Соню и обнял меня.

Я прижалась щекой к его плечу.

От него пахло мылом, тканью старой куртки и чем-то незнакомым. Не тем запахом, который я помнила.

Но руки были те же.

Я положила ладонь ему на спину.

— Все, — прошептала я. — Теперь все.

Кирилл погладил меня между лопаток.

— Да.

Он первым отстранился.

Я хотела поцеловать его, но он уже повернулся к дочери.

— Ну что, девчонки, поехали?

Соня радостно закивала.

— Мы тебе вещи купили! И дома ужин будет. Мама вчера готовила, а я шарлотку сделала.

— Шарлотку?

— Ты же любишь.

— Люблю.

Я заметила, как Кирилл быстро посмотрел в сторону дороги.

Наверное, ему просто хотелось скорее уехать.

Я сама мечтала об этом последние восемь лет.

***

На обратной дороге Соня села сзади.

Она сказала, что хочет видеть папу и слышать его ответы, поэтому устроилась по диагонали от него и пристегнулась.

Первые полчаса Кирилл отвечал почти на все ее вопросы.

Да, он помнил нашу старую собаку.

Нет, не знал, что соседский мальчик уже женился.

Да, он видел фотографии с ее дня рождения.

Нет, пока не решил, чем займется после возвращения.

Потом Соня достала телефон и стала показывать снимки.

— Это моя подруга Настя. А это наша учительница. Тут я после выставки. Пап, смотри, я второе место заняла.

— Молодец.

— А это мы на соревнования ездили.

— На каких?

— Я же рассказывала. По рисунку.

— А, точно.

Соня замолчала.

Я увидела в зеркале, как она убрала телефон.

— Пап, это не соревнования. Конкурс. Я тебе писала.

Кирилл повернулся.

— Сонь, я столько всего пропустил. Не обижайся, если что-то путаю.

— Я не обижаюсь.

Она отвернулась к окну.

Я хотела что-нибудь добавить, но не стала.

Кирилл положил ладонь на приборную панель и некоторое время смотрел вперед.

— Машина новая?

— Мамина, — ответила я. — Она купила ее несколько лет назад. Сегодня дала нам.

— Удобная.

— Да.

— Ты сама теперь водишь?

— Уже давно.

— Помню, ты боялась за руль садиться.

Я улыбнулась.

— Пришлось научиться.

Он коротко усмехнулся.

— Ты у меня всегда упорная была.

От привычного «у меня» внутри стало тепло.

Я украдкой посмотрела на его руку.

Хотелось, чтобы он снова дотронулся до меня.

Но он смотрел на дорогу.

— Слушай, Вер, — сказал Кирилл, когда мы остановились на заправке. — Тут можно где-нибудь сим-карту купить?

— В городе заедем в салон связи. Тебе срочно?

— Да нет. Просто надо будет кое с кем связаться.

— Конечно.

Я потянулась к своей сумке.

— Можешь пока с моего телефона позвонить.

— Не надо. Потом.

Он отвернулся к окну.

Я не придала этому значения.

У человека, который восемь лет прожил по чужому расписанию, должно было накопиться много дел.

Соня попросила воды. Я купила ей бутылку и два пирожка, хотя дома нас ждал обед.

Кирилл вышел из машины, постоял возле края парковки, разглядывая трассу.

Когда я подошла, он глубоко вдохнул.

— Не верится.

— Что?

— Что можно просто стоять здесь. Куда хочу, туда и иду.

Я встала рядом.

— Привыкнешь.

Он посмотрел на меня.

— Наверное.

— Я вчера постель перестелила, — сказала я. — И шкаф освободила. Там твои старые вещи еще лежат, но я подумала, что ты, может, захочешь все новое.

— Вер...

Он произнес мое имя так, будто собирался что-то сказать.

Я повернулась к нему.

— Что?

Кирилл провел ладонью по коротко подстриженным во-

лосам.

— Ничего. Просто голова кругом.

— Понимаю.

Я коснулась его локтя.

Он не отстранился, но и не ответил.

Через несколько секунд предложил ехать дальше.

***

К дому мы добрались около полудня.

Соня первой выскочила из машины и потянула отца к подъезду.

— Пойдем! Я тебе комнату покажу. Я все переставила.

— Дай сумку забрать.

— Мам заберет!

— Сам справлюсь, — сказал Кирилл.

Он достал вещи из багажника.

Я взяла пакет с новой одеждой.

Возле подъезда столкнулись с соседкой, тетей Ниной.

— Кирилл? Господи, неужели ты!

Она всплеснула руками.

Кирилл поздоровался, улыбнулся, ответил на ее вопросы. Я стояла чуть позади и ловила себя на странном удовольствии.

Теперь все увидят, что он вернулся.

Больше никто не станет спрашивать, долго ли еще ждать.

Не придется объяснять, почему я не развожусь, почему продолжаю ездить к человеку, из-за которого в нашей жизни столько проблем.

Он дома.

А остальное мы решим.

В квартире Кирилл остановился в прихожей.

Снял обувь, посмотрел на полку, на зеркало, на вешалку.

— Тут все по-другому.

— За восемь лет многое поменялось, — сказала я.

— Это точно.

Соня сразу потянула его в свою комнату.

— Пап, смотри!

Я осталась в прихожей и услышала, как она открывает ящики, объясняет, где лежат рисунки, показывает новые полки.

Кирилл задавал вопросы.

Я прошла на кухню, поставила чайник и прислонилась к столешнице.

Из комнаты доносились голоса.

Мужской.

Детский.

Наш дом наконец звучал так, как я помнила.

Только детский голос теперь был почти взрослым.

Я вытерла руки полотенцем и пошла разогревать обед.

Когда Кирилл появился на кухне, я как раз доставала из духовки запеченное мясо.

— Может, сначала в душ? — предложила я. — Потом поедим.

— Да, пожалуй.

Я показала ему новое полотенце, положила одежду на кровать.

— Бритва в шкафчике. Зубная щетка зеленая, твоя. Если что-то нужно, скажи.

Он осмотрел ванную.

— Ты основательно подготовилась.

— Я же знала, когда ты вернешься.

Кирилл кивнул.

— Спасибо.

Я хотела его обнять.

Мы остались вдвоем впервые с момента встречи. Дверь в ванную была открыта, Соня сидела в комнате с телефоном.

Я подошла ближе.

— Кирилл.

— М?

— Я очень скучала.

Он посмотрел мне в лицо.

— Знаю, Вер.

Я ждала продолжения.

Он коснулся моей щеки, быстро, почти осторожно.

— Я тоже рад вас видеть.

Потом закрыл дверь.

Я еще некоторое время стояла в коридоре.

Наверное, он просто стеснялся.

После стольких лет невозможно сразу вернуться к прежней близости.

Я снова сказала себе, что нужно дать ему время.

И пошла накрывать на стол.

***

За обедом Кирилл ел мало.

На столе было все, что он любил раньше: картофель с мясом, овощной салат, домашняя шарлотка.

Он попробовал все, похвалил картофель, но оставил почти половину порции.

— Не понравилось? — спросила я.

— Вкусно. Просто не могу много.

— Тебе, может, что-нибудь другое сделать?

— Вер, ничего не надо. Правда.

Соня сидела напротив и внимательно смотрела на него.

— Пап, а ты вечером со мной фильм посмотришь?

— Какой?

— Я выберу. Там очень смешной есть, тебе понравится.

— Посмотрим.

— Сегодня?

— Сонь, я устал. Давай завтра.

— Хорошо.

Она опустила глаза.

— А завтра после школы мы куда-нибудь пойдем?

Кирилл положил вилку.

— Мне сначала кое-какие дела решить надо.

— Какие?

— Взрослые.

— Я просто спросила.

Я осторожно вмешалась:

— Сонь, папе действительно нужно немного освоиться.

Она кивнула.

— Я понимаю.

Но больше ничего не спрашивала.

Кирилл заметил ее настроение.

— Слушай, а покажи мне тот рисунок, за который тебе награду дали.

Соня сразу оживилась.

— Сейчас!

Она убежала к себе.

Я улыбнулась мужу.

— Она очень старалась. Даже на дополнительные занятия ходила.

— Умница.

— Ты бы видел, как она перед конкурсом переживала.

Кирилл потер лицо ладонями.

— Вер, я пока плохо соображаю. Все вокруг новое.

— Ничего, — сказала я. — У нас впереди столько времени.

Он опустил руки.

На секунду мне показалось, что его лицо изменилось.

Но тут вернулась Соня с большим листом.

На рисунке была старая городская улица после дождя. Дома отражались в лужах, возле фонаря стояла женщина с красным зонтом.

Кирилл долго рассматривал работу.

— Сама нарисовала?

Соня засмеялась.

— Нет, пап, купила.

Он улыбнулся.

— Ладно, виноват. Очень красиво.

— Правда?

— Правда.

— Мне преподаватель сказала, что перспектива хорошая.

— И правильно сказала.

Я смотрела на них и испытывала такое облегчение, что на несколько минут забыла обо всех странностях сегодняшнего дня.

Вот же он.

Вот она.

Они разговаривают, смеются, узнают друг друга.

Разве не этого я хотела?

Когда Кирилл попросил добавки компота, я даже обрадовалась.

Наконец ему понравилось хоть что-то из того, что я при-

готовила.

После обеда Соня помогла убрать со стола. Кирилл прошелся по квартире, открыл балконную дверь, постоял там, глядя на двор.

Я вышла следом.

— Помнишь, мы хотели здесь маленький стол поставить?

— Помню.

— Я пока не стала. Соня раньше на балконе велосипеды хранила, а сейчас у нее тут краски и всякие коробки.

Кирилл осмотрел полки.

— Много всего накопилось.

— Да.

Он оперся руками на подоконник.

— Вер, а ты сейчас как вообще? С работой?

— Нормально. Заказы идут. Иногда много, иногда меньше.

— Все шьешь?

— В основном текстиль для квартир. Шторы, покрывала. Недавно для кафе делали. Теперь вот гостиницу предлагают.

— Сама?

— С Тамарой. Иногда помощницу беру, если заказ большой.

Он кивнул.

— Молодец.

Я ждала, что он спросит подробнее.

За восемь лет мастерская стала почти всей моей жизнью.

Я начинала с чужой машинки на кухонном столе, подшивала брюки соседям, шила детские костюмы на заказ, работала вечерами, когда Соня засыпала.

Первую собственную машину купила после особенно тяжелого месяца. Старую, с царапиной на корпусе, зато надежную.

Потом появились постоянные заказчики, аренда помещения, Тамара.

Кирилл знал об этом из писем.

Я рассказывала ему о каждом новом шаге.

Он почти всегда отвечал, что гордится мной.

Но сейчас больше ничего не спросил.

— А сам чем хочешь заняться? — поинтересовалась я.

— Пока не знаю.

— Может, с мебелью снова?

Кирилл резко посмотрел на меня.

— С какой мебелью, Вер?

— Ну, ты же хорошо в этом разбирался.

— Разбирался, — сухо повторил он. — Только все закончилось известно чем.

Я пожалела, что заговорила.

— Прости. Я не хотела напоминать.

Он отвернулся к окну.

— Ничего.

Некоторое время мы молчали.

Потом Кирилл спросил:

— У тебя интернет дома нормальный?

— Конечно.

— Пароль тот же?

— Нет, я поменяла роутер. Сейчас покажу.

Он достал из кармана листок и записал пароль.

Мне почему-то захотелось спросить, зачем записывать пароль на бумажке.

Но я не спросила.

Вместо этого предложила:

— Завтра можем вместе проехать по магазинам. Выберем тебе что-нибудь необходимое. И телефон купим, если хочешь.

— Я сам разберусь.

— Конечно.

Он снова посмотрел во двор.

А я подумала, что, наверное, слишком суечусь.

Восемь лет ему говорили, что делать, когда вставать, куда идти, с кем встречаться.

Неудивительно, что теперь он хочет решать сам.

Я отошла от балконной двери.

— Отдохни. Я вечером еще чай сделаю.

— Хорошо.

***

К пяти часам позвонила мама.

Я вышла в коридор, чтобы не разговаривать при Кирилле.

— Ну как вы?

— Нормально.

— Он рад?

— Конечно.

— А Сонечка?

— Счастливая.

— Ты сама-то как?

Я посмотрела в сторону спальни.

Кирилл сидел на краю кровати с телефоном в руках. Старый аппарат он получил вместе с вещами при освобождении. Пока тот, видимо, еще работал.

— Мам, все хорошо.

— Что-то ты тихая.

— Устала с дороги.

— Ну ладно. Не стану мешать. Передай Кириллу, что я поздравляю его с возвращением.

— Передам.

— И Верочка...

— Что?

— Не взваливай опять все на себя. Ему теперь тоже надо работать и помогать.

Я вздохнула.

— Мам, он только сегодня приехал.

— Я не про сегодня.

— Давай потом.

Мы попрощались.

Я вернулась на кухню и стала мыть посуду, хотя тарелки уже были чистыми.

За окном дети гоняли мяч. Сосед сверху включил дрель, потом быстро выключил. Из комнаты Сони доносилась музыка.

Все было привычно.

Только я никак не могла привыкнуть к мысли, что Кирилл находится в нашей квартире.

Я ждала, что он выйдет из спальни, обнимет меня со спины и скажет что-нибудь обычное.

Спросит, где соль.

Пожалуется, что ноги затекли.

Пошутит над моими старыми тапочками.

Мне не нужны были признания.

Я хотела почувствовать, что мы снова вместе.

Но Кирилл почти весь остаток дня провел в спальне.

Когда я заглянула к нему, он лежал поверх покрывала с закрытыми глазами.

— Спишь?

— Нет.

— Может, чай?

— Позже.

— Тебе что-нибудь нужно?

Он открыл глаза.

— Вер, пожалуйста. Дай мне просто полежать.

Я замерла.

— Конечно.

Вышла и тихо прикрыла дверь.

На кухне Соня сидела с учебником английского.

— Мам, он сердится?

— Нет. Устал.

— Я слышала, как он с тобой разговаривал.

— Сонь, папа долго был в непривычных условиях. Ему нужно освоиться.

Она опустила взгляд к странице.

— Я стараюсь не мешать.

— Ты не мешаешь.

— Тогда почему он со мной фильм не посмотрел?

Я присела рядом.

— Потому что сегодня трудный день. Давай немного подождем.

Соня посмотрела на меня.

— Ты все время так говоришь.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Как?

— Что надо подождать.

Она снова уткнулась в учебник.

А я осталась сидеть возле нее, не зная, что сказать.

В последние годы Соня уже несколько раз спрашивала, почему все хорошие события у нас откладываются.

Когда папа вернется, поедем к морю.

Когда папа вернется, купим большой стол.

Когда папа вернется, сходим всей семьей в парк развлечений.

Я так привыкла произносить эту фразу, что перестала замечать, сколько обещаний в ней скрывается.

Теперь он вернулся.

А я снова просила дочь подождать.

***

Ближе к восьми Кирилл вышел из спальни.

Волосы у него были влажные после душа, на нем была новая футболка, которую я купила.

Она подошла идеально.

Я почувствовала нелепую гордость.

— Хорошо сидит, — сказала я.

Он посмотрел на себя.

— Да. Спасибо.

Соня сразу вскочила с дивана.

— Пап, может, теперь фильм?

Кирилл посмотрел на часы.

— Давайте недолго.

Она так обрадовалась, что едва не уронила пульт.

Мы устроились втроем на диване. Я села рядом с Кириллом, Соня забралась с другой стороны.

Фильм оказался действительно смешным.

Соня постоянно комментировала происходящее, объясняла шутки, которые мы и без нее понимали, и время от времени смотрела на отца, проверяя, смеется ли он.

Кирилл несколько раз улыбнулся.

Я тоже.

В какой-то момент я положила ладонь на его руку.

Он не убрал ее.

Но и мою не накрыл.

Через сорок минут Кирилл сказал, что устал, и попросил выключить телевизор.

Соня не спорила.

— Завтра досмотрим?

— Посмотрим, — ответил он.

Я заметила, как изменилось ее лицо.

— Пап, ну просто скажи, сможешь или нет.

Кирилл вздохнул.

— Соня, я сегодня вернулся. Можно мне хотя бы один день ничего не обещать?

Дочь выпрямилась.

— Можно.

Она выключила телевизор.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, — ответил Кирилл.

Соня подошла ко мне, поцеловала в щеку и ушла.

Я смотрела ей вслед.

— Ты мог сказать помягче, — заметила я.

— Что я такого сказал?

— Она ждала тебя восемь лет.

Кирилл повернулся ко мне.

— А я, по-твоему, на курорте был?

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь.

— Я не это имела в виду.

— Тогда не надо мне с первого дня объяснять, как я должен разговаривать с собственным ребенком.

Я замолчала.

Он провел ладонью по лицу.

— Извини. Сорвался.

— Ничего.

— Я правда очень устал.

— Понимаю.

Он встал с дивана.

Я не пошла за ним сразу.

Сидела и смотрела на темный экран телевизора.

Мне хотелось списать все на усталость.

Возможно, так и было.

Человек восемь лет не жил нормальной жизнью. Он не привык к свободе, не привык к шуму, к разговорам, к тому, что ребенок может задавать двадцать вопросов подряд.

Я убеждала себя, что пройдет неделя, другая, и все станет проще.

Но внутри уже появилось что-то неприятное.

Я боялась его раздражать.

В собственном доме.
В первый же день возвращения.

***

В половине десятого Соня вышла за водой.
Кирилл был на кухне, я убирала со стола.
— Пап, а ты завтра утром будешь дома?
— Не знаю, Сонь. Мне по делам надо.
— А вечером?
Он посмотрел на меня, потом на дочь.
— Пока не могу сказать.
Соня сжала стакан обеими руками.
— Ясно.
Мне стало тяжело смотреть на нее.
— Сонечка, у тебя завтра школа. Давай не будем сейчас строить планы, хорошо?
— Я ничего не строю.
Она набрала воду и ушла.
Кирилл проводил ее взглядом.
— Я ее совсем не знаю, — неожиданно сказал он.
Я отложила полотенце.
— Узнаешь.
— Она уже взрослая почти.
— Да.
— Когда я уходил, она мне по пояс была.

— Помню.

Он сел за стол.

Я села напротив.

Впервые за день между нами возникла тишина, в которой можно было поговорить.

Не о дороге, не о еде, не о покупках.

О нас.

Я осторожно улыбнулась.

— Непривычно, наверное?

— Очень.

— Мне тоже.

Кирилл посмотрел на меня.

— Ты молодец, Вер. Столько всего одна вытянула.

От этих слов у меня защипало глаза.

Я отвернулась, притворившись, что поправляю салфетку.

— Не одна. Мама помогала. Тамара.

— Все равно.

— Главное, что ты теперь дома.

Он не ответил.

Я подняла глаза.

Кирилл сидел, сцепив руки перед собой.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Надо поговорить.

Сердце неприятно толкнулось.

— О чем?

— О нас.

Я даже улыбнулась.

Столько лет я ждала именно такого разговора.

Мы должны были обсудить его работу, семейные привычки, Соню, деньги. Возможно, решить, как будем заново привыкать друг к другу.

— Давай.

Кирилл опустил глаза.

— Вер, я не останусь здесь.

Я не сразу поняла.

— В смысле?

— Я не буду здесь жить.

Я посмотрела в сторону прихожей.

Его сумка стояла возле шкафа. Я не убрала ее, потому что думала, что он сам разберет вещи.

— Ты хочешь пока пожить отдельно? — спросила я. — Это из-за того, что трудно привыкнуть?

— Не совсем.

— Кирилл, я же понимаю, что тебе нужно время. Мы можем не торопиться. Ты можешь спать отдельно, если...

— Вера.

Он произнес мое имя твердо.

Я замолчала.

— У меня есть другая женщина.

Сначала я услышала только последние два слова.

Другая женщина.

Они прозвучали так буднично, будто Кирилл сообщал о

новой работе.

Я смотрела на него и ждала, что он объяснит.

Что я неправильно поняла.

Что речь идет о какой-нибудь знакомой, которая помогала с документами.

Он молчал.

— Кто? — спросила я.

— Ее зовут Оксана.

— Какая Оксана?

— Титова. Мы раньше были знакомы.

Имя ничего мне не сказало.

И это почему-то испугало сильнее.

— И что значит «есть»?

Кирилл выдохнул.

— Мы общаемся. Давно.

— Насколько давно?

Он не ответил сразу.

— Примерно полтора года.

Я опустила взгляд на его руки.

Обычные руки.

Коротко подстриженные ногти. Небольшой шрам возле большого пальца, который остался еще с молодости.

Я помнила, как он получил этот шрам.

А о женщине, с которой он общался полтора года, не знала ничего.

— Как общаетесь?

— Пишем друг другу. Созваниваемся, когда получается.

— Полтора года?

— Да.

Я медленно кивнула.

— И ты решил жить с ней?

— Да.

С кухни вдруг стало слышно, как в соседней квартире льется вода.

Раньше я никогда не замечала этот звук.

— Где? — спросила я.

Кирилл посмотрел на меня с недоумением.

— Что где?

— Где ты собираешься жить?

— У нее. Пока.

— У нее есть квартира?

— Да.

— И она тебя ждет?

— Ждет.

Я уставилась на стол.

Передо мной лежала салфетка с маленьким желтым цветком. Соня сама выбирала их в магазине вчера вечером.

— А я? — спросила я.

Кирилл нахмурился.

— Что ты?

— Я тебя не ждала?

Он отвел глаза.

— Вер, давай только спокойно.

Я почувствовала, как внутри все похолодело.

— Я спокойно спрашиваю.

— Я понимаю, что это тяжело.

— Ты понимаешь?

— Да.

— Тогда объясни мне, пожалуйста, как это получилось.

Он некоторое время молчал, словно подбирал правильные слова.

— Я изменился.

Я не знала, что ответить.

— За восемь лет?

— Да. Вера, восемь лет — огромный срок. Ты сама понимаешь.

— Понимаю.

— Мы уже не те люди, которые были раньше.

Я посмотрела на него.

— Ты сегодня приехал домой. Я встретила тебя. Соня целый день ходит за тобой. Я думала, что мы будем учиться жить вместе. Ты даже не попробовал.

Кирилл подался вперед.

— Я не хочу тебя обманывать.

Я засмеялась.

Коротко, неожиданно для самой себя.

— Не хочешь?

Он поморщился.

— Ну зачем ты так?

— Кирилл, ты полтора года общаешься с другой женщиной. И все это время пишешь мне, что скучаешь по дому.

— Я действительно скучал.

— По какому дому?

Он посмотрел на меня.

— Вер...

— По нашему? Или по тому, где тебя ждет Оксана?

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Я знал, что ты так отреагируешь.

От этих слов мне захотелось встать.

Не уйти.

Просто встать, потому что сидеть напротив него вдруг стало невыносимо.

— А как я должна реагировать?

— Я не говорю, что ты должна радоваться.

— Тогда что?

— Постарайся понять.

Я провела ладонями по лицу.

— Я очень стараюсь.

Голос прозвучал хрипло.

Я прокашлялась.

— Когда ты решил, что уйдешь?

Кирилл посмотрел на часы.

Это движение обожгло.

Он проверял время.

Пока я пыталась понять, что случилось с моей жизнью, он смотрел на часы.

— Не могу сказать точно, — ответил он.

— Месяц назад? Полгода?

— Постепенно.

— До освобождения?

— Да.

— Значит, ты знал, что не останешься с нами?

Он промолчал.

— Кирилл.

— Да, знал.

Я закрыла глаза.

Передо мной возникло его последнее письмо.

«Соскучился по дому. По тебе, по Соньке».

Я вспомнила, как показала эти строки матери.

Как она сказала, что теперь все наладится.

Как я купила постельное белье.

Как Соня выбирала рубашку и спрашивала, понравится ли папе цвет.

— Почему ты не сказал раньше?

Кирилл вздохнул.

— Потому что не хотел делать тебе больно.

Я посмотрела на него.

— А сейчас не больно?

— Сейчас я хотя бы могу объяснить.

— Ты целый день был с нами.

— Я хотел увидеть Соню.

— А мне ты зачем позволил думать, что возвращаешься?

Он потер лоб.

— Я не знал, как сказать.

— Можно было написать.

— Ты бы перестала ездить.

Я не сразу осмыслила его ответ.

— Что?

Кирилл нахмурился.

— Ну, ты бы обиделась. Перестала приезжать. Я там был один, Вер.

Я несколько секунд молчала.

— Ты боялся, что я перестану тебя поддерживать?

Он отвел взгляд.

— Не надо все переворачивать.

— Я ничего не переворачиваю.

— Я просто не хотел терять связь с вами.

— Ты мог не терять связь с Соней. Она твоя дочь.

— Ты же понимаешь, как это все устроено.

Я понимала многое.

Я знала, какие передачи он любил получать, какие лекарства просил привезти, какие документы нужно было переслать.

Я знала расписание автобусов, правила свиданий, цены на дорогу.

Я знала, как объяснить дочери, почему папа снова не смо-

жет приехать на день рождения.

Но я не понимала, как человек может полтора года готовиться к новой жизни, продолжая просить жену подождать еще немного.

— Ты любишь ее? — спросила я.

Кирилл молчал.

Мне пришлось повторить.

— Кирилл, ты любишь Оксану?

— Я хочу попробовать с ней жить.

— Это не ответ.

— А какой ответ тебе нужен?

Я уставилась на него.

— Правдивый.

Он сжал губы.

— Мне с ней хорошо. Она меня понимает.

Я опустила голову.

Мне стало стыдно.

Непонятно почему.

Наверное, потому что я сразу начала сравнивать себя с этой женщиной, которой даже не видела.

Она его понимает.

А я?

Я восемь лет старалась понимать каждую его обиду, каждый срыв, каждую просьбу.

Когда он грубо отвечал по телефону, я объясняла это тяжелыми условиями.

Когда забывал поздравить меня с днем рождения, говорила себе, что ему там не до праздников.

Когда просил денег, находила возможность отправить, даже если приходилось откладывать собственные покупки.

Я не считала это подвигом.

Он был моим мужем.

Я любила его.

И мне казалось естественным помогать человеку, с которым собиралась прожить всю жизнь.

— А она знает, что ты женат? — спросила я.

— Знает.

— И что тебя ждут дома?

— Она знает, что у меня есть дочь.

— Я не про дочь.

— Вера...

— Она знает, что я тебе писала? Что ездила? Что собирала передачи?

Кирилл нахмурился.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой наши разговоры.

Я отодвинула стул.

— Понятно.

— Не начинай.

Я подняла на него глаза.

— Что именно я не должна начинать?

— Скандал.

Я посмотрела в сторону Сониной комнаты.

Дверь была закрыта.

— Я не кричу, Кирилл.

— Пока.

Это короткое слово ударило сильнее всего сказанного прежде.

Он ждал скандала.

Наверное, готовился к нему.

Продумывал, как будет успокаивать меня, как объяснит, что чувства изменились и никто не виноват.

Я села обратно.

Мне вдруг стало трудно дышать.

— Ты написал мне в марте, что хочешь просыпаться рядом со мной, — сказала я.

Кирилл посмотрел в сторону окна.

— Вер, не надо сейчас вспоминать каждое письмо.

— Но ты написал.

— Написал.

— Зачем?

Он долго не отвечал.

Потом сказал:

— Я тогда сам не понимал, что чувствую.

— В марте?

— Да.

— А в мае уже понял?

— Послушай, я только вышел. Мне нужно время разобраться в собственной жизни.

— Так разбирайся.

Я сама удивилась жесткости своего голоса.

Кирилл посмотрел на меня внимательнее.

— Вер, я не хочу, чтобы мы стали врагами.

— А кем мы должны стать?

— Нормальными людьми, у которых есть общий ребенок.

Я отвернулась.

Соня.

Весь день она боялась сказать что-нибудь не так. Старательно улыбалась, показывала фотографии, просила отца посмотреть фильм.

А он уже знал, что уедет.

— Ты ей сказал? — спросила я.

— О чем?

— Что не останешься.

Кирилл помолчал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она ребенок.

— Ей тринадцать лет.

— Именно. Зачем сегодня все это на нее вываливать?

Я встала.

Подошла к раковине, открыла воду и тут же закрыла.

Руки дрожали.

— Она думает, что завтра проснется, а ты будешь дома.

— Я с ней поговорю.

— Когда?

— Не знаю. В ближайшие дни.

Я повернулась.

— Кирилл, она завтра придет из школы и спросит, где ты.

Он поднялся.

— Скажешь, что я уехал по делам.

Я смотрела на него.

Впервые за весь вечер почувствовала не только боль.

Еще и злость.

— Нет.

Он нахмурился.

— Что нет?

— Я не буду ей врать.

— Я же не предлагаю ничего страшного.

— Ты предлагаешь мне снова объяснять за тебя то, чего ты сам не хочешь объяснять.

Кирилл устало покачал головой.

— Вер, сейчас не время.

— А когда будет время? Когда Соня опять начнет спрашивать, почему папа обещал и не пришел?

Он резко отодвинул стул.

— Я не собираюсь отказываться от дочери.

— Я этого и не сказала.

— Тогда перестань вести себя так, будто я вас бросаю навсегда.

Я медленно выпрямилась.

— А как мне это назвать?

Кирилл замолчал.

Мы стояли друг напротив друга.

Я видела, что он сердится.

И еще видела, что ему неудобно.

Казалось, ему хотелось закончить разговор.

Выйти из квартиры.

Поехать туда, где его ждала другая женщина и не нужно было слушать о восьми годах, проведенных без него.

— Ты хотел сегодня уйти, — сказала я. — Уходи. Но Соня должна знать правду. Не обязательно сейчас, когда она почти спит. Завтра утром я скажу ей, что ты решил жить отдельно.

— Хорошо.

— И ты сам с ней поговоришь.

— Поговорю.

— Не обещай ей того, чего не собираешься делать.

Кирилл опустил глаза.

— Я понял.

Но мне показалось, что он просто хочет скорее закончить.

***

Мы вышли в прихожую.

Я стояла возле шкафа, пока Кирилл обувался.

Он достал из кармана ключи, которые я отдала ему еще днем.

Новые ключи.

Я заказала дополнительный комплект на прошлой неделе.

Он покрутил их в пальцах и положил на тумбочку.

От этого движения у меня перехватило горло.

Кирилл заметил мой взгляд.

— Так будет лучше.

Я ничего не ответила.

Он взял сумку.

Потом увидел пакет с новой одеждой.

— Это все мне?

— Да.

Он неловко поправил ручку сумки.

— Спасибо. Ты всегда все предусматривала.

Я посмотрела на него.

— Не все.

Кирилл отвернулся.

Некоторое время он стоял, словно не знал, что еще сказать.

Потом спросил:

— Ты ведь понимаешь, что я не специально все так устроил?

Я не выдержала.

— А как это получилось случайно? Ты полтора года переписывался с другой женщиной. Договорился, что будешь у нее жить. Приехал к нам, пообедал, посмотрел телевизор с дочерью. И теперь уходишь. Какая часть этого была случай-

ной?

Он поморщился.

— Не надо перечислять.

— Почему?

— Потому что мне и так нелегко.

Я смотрела на него и не могла поверить, что слышу это.

Мне и так нелегко.

Восемь лет я боялась за него, жалела его, поддерживала.

Даже сейчас, когда он говорил мне, что уходит к другой, я почти автоматически хотела спросить, поел ли он и не замерзнет ли вечером.

Восемь лет моей жизни прошли в привычке думать о том, как тяжело Кириллу.

И вот он стоял передо мной, собираясь уйти, и снова говорил о себе.

— Я знаю, что тебе было тяжело, — сказала я. — Я все эти годы это знала.

Он вздохнул.

— Я не собираюсь спорить, кто больше страдал.

— Я тоже.

— Тогда давай нормально расстанемся.

Я сжала пальцы.

— Нормально?

— Без ненависти.

Я отвернулась к стене.

На крючке висела Сонина джинсовая куртка. Она бросила

ее после возвращения и забыла убрать.

Я машинально поправила рукав.

Кирилл заговорил тише:

— Ты хорошая женщина, Вер. Правда. Я очень благодарен тебе за все.

Я медленно повернулась.

— Не говори так.

— Как?

— Как будто я чужая женщина, которая когда-то тебе помогла.

Он опустил глаза.

Я почувствовала, что сейчас расплачусь.

Мне не хотелось плакать перед ним.

Не потому, что я собиралась показать силу.

Я просто боялась: если расплачусь, начну просить его остаться.

И еще сильнее боялась, что он согласится из жалости.

А утром снова уйдет.

— Ты хочешь развестись? — спросила я.

Кирилл провел ладонью по затылку.

— Давай не сегодня.

— Когда?

— Вер, ну зачем сейчас все решать?

Я не ответила.

Он поставил сумку, подошел ближе.

— Послушай. Я ничего плохого тебе не желаю. Мы столь-

ко лет вместе. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

Он потянулся к моей руке.

Я отступила.

Кирилл остановился.

И в его глазах мелькнуло раздражение.

Я заметила его и неожиданно поняла, что мне уже не хочется ничего объяснять.

— Ты можешь идти, — сказала я.

Он кивнул.

— Я позвоню.

— Соне.

— И тебе тоже.

Я промолчала.

Кирилл поднял сумку.

— Вер...

Я посмотрела на него.

Он долго подбирал слова.

Потом сказал:

— Пойми, я столько лет там просидел. Мне хочется наконец пожить.

Я не смогла ответить.

За стеной тихо играла музыка. Соня, наверное, еще не спала.

В квартире пахло яблоками и корицей. На плите стояла кастрюля с картошкой, которую я оставила Кириллу на завтра.

Он хотел пожить.

А я все эти годы что делала?

Я просыпалась утром, собирала дочь в садик, потом в школу. Ездила по заказчикам. Работала вечерами. Откладывала деньги на дорогу и передачи. Болела, выздоравливала, ругалась с матерью, смеялась с Тамарой, ходила на школьные собрания.

Однажды ночью у Сони поднялась высокая температура. Я сидела возле ее кровати до утра, а утром поехала сдавать срочный заказ, потому что нам нужны были деньги.

Когда мама сломала руку, я возила ее к врачу и готовила сразу на две квартиры.

Когда сломалась стиральная машина, нашла мастера.

Когда в мастерской прорвало трубу, вместе с Тамарой вычерпывала воду и сушила рулоны ткани.

Я жила.

Работала, растила ребенка, принимала решения, платила за квартиру, ездила к мужу.

Просто каждый раз думала, что настоящая семейная жизнь начнется после его возвращения.

А для Кирилла все это, оказывается, было временем, которое он потерял.

— Ты хочешь пожить, — повторила я.

Он кивнул, будто не заметил, как я произнесла эти слова.

— Да, Вер. Просто пожить для себя.

Мне стало трудно смотреть на него.

— Иди.

Кирилл постоял еще секунду.

Потом открыл дверь.

— Спокойной ночи.

Я не ответила.

Дверь закрылась.

Не хлопнула.

Просто тихо встала на место.

Я услышала, как он спустился на несколько ступеней.

Потом раздался звук лифта.

И все.

***

Я долго стояла в прихожей.

Не знаю, сколько времени прошло.

Наверное, несколько минут.

Потом посмотрела на тумбочку.

Там лежали ключи.

Два обычных металлических ключа на синем кольце.

Я сжала ключи в ладони, потом положила обратно на тумбочку и пошла на кухню.

На столе осталась недоеденная шарлотка.

Соня пекла ее сама. Я только помогла достать противень из духовки.

Дочь волновалась, что яблок получилось слишком много.

Я уверяла, что папе понравится.

Кирилл съел один маленький кусочек.

Остальное осталось на завтра.

Я взяла нож, чтобы убрать пирог в контейнер, но остановилась.

Зачем-то принялась считать куски.

Один, два, три, четыре.

На пятом сбилась.

Положила нож на стол.

Открыла холодильник, поставила туда тарелку с мясом, закрыла.

Потом вспомнила, что не убрала салат.

Вернулась за салатом.

Все происходило как обычно, только руки плохо слушались.

Я задела чашку.

Она упала в раковину и разбилась.

Я смотрела на осколки.

Это была старая белая чашка с синей полоской. Кирилл любил пить из нее чай еще до ареста.

Я специально достала ее сегодня из дальнего шкафа.

Теперь она лежала в раковине тремя большими кусками.

Я открыла воду.

Потом закрыла.

Села на стул и заплакала.

Не громко.

Я просто сидела, закрыв лицо ладонями, и не могла остановиться.

Слезы текли между пальцами.

Я пыталась успокоиться, потому что за стеной была Соня.

Она не должна была услышать.

По крайней мере, не сейчас.

Когда дыхание немного выровнялось, я пошла в ванную и умылась холодной водой.

В зеркале отражалась женщина с красными глазами и мокрыми волосами возле висков.

Мне было тридцать шесть.

Восемь лет назад — двадцать восемь.

Я вспомнила себя в тот майский день, когда Кирилла увезли.

Соня тогда стояла посреди комнаты в красных колготках и спрашивала, где папа.

Я присела перед ней и сказала, что он вернется.

Потом повторяла это сотни раз.

Он вернется.

Нужно подождать.

Мы справимся.

А сегодня он вернулся.

И ушел.

Я вытерла лицо полотенцем, поправила волосы и пошла проверить дочь.

Соня лежала в кровати с телефоном. Когда я заглянула,

она быстро убрала его под одеяло.

— Я почти сплю, — сообщила она.

Я попыталась улыбнуться.

— Конечно.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Мам, у тебя глаза красные.

— Устала.

— Ты плакала?

Я почувствовала, как снова подступает ком к горлу.

— Немного.

— Из-за папы?

Я села на край кровати.

— День сложный получился.

Соня вытащила телефон из-под одеяла и отложила на тумбочку.

— Он уже спит?

Я смотрела на нее.

На ее лицо, на знакомую ямочку возле подбородка, на темные брови, которые она унаследовала от Кирилла.

Мне хотелось сказать правду сразу.

Но я представила, как Соня вскочит, побежит в нашу спальню, увидит пустую кровать и начнет звонить отцу.

Как спросит, почему он уехал.

Почему не попрощался.

Почему снова оставил нас.

И я поняла, что не могу сейчас, среди ночи, бросить ей

эти слова и надеяться, что она просто уснет.

Кирилл уже сделал свой выбор.

Мне предстояло хотя бы попытаться не превращать его в новую ложь.

— Папа сегодня уехал, — сказала я. — Нам нужно будет завтра поговорить об этом. Я все тебе объясню.

Соня нахмурилась.

— Куда уехал?

— Он решил пока жить отдельно.

— В смысле отдельно?

Я почувствовала, как пересохло во рту.

— Сонечка, я знаю, что ты ждала другого. Я тоже. Но сегодня выяснилось, что у папы другие планы.

Она села.

— Он что, не будет с нами жить?

Я молчала всего секунду, но этой секунды хватило.

Соня все поняла.

— Мам, ты же говорила...

Она не закончила.

Я протянула к ней руку.

— Я знаю.

— Ты говорила, что он вернется домой.

— Я сама в это верила.

Соня отвернулась.

Я видела, как у нее задрожали губы.

— Он даже не попрощался.

В груди стало так больно, что я едва смогла произнести:

— Прости.

Она покачала головой.

— Это не ты должна говорить.

Я осторожно обняла ее.

Соня сначала сидела неподвижно. Потом прижалась ко мне, уткнулась лицом в плечо и заплакала.

Я гладила ее по волосам.

Не обещала, что все наладится завтра.

Не говорила, что папа передумает.

Впервые за много лет у меня не было готового объяснения, которым можно было успокоить дочь.

Мы сидели так долго.

Когда Соня немного успокоилась, она спросила:

— А он меня вообще любит?

Я закрыла глаза.

— Я думаю, любит.

— Тогда почему уехал?

— Потому что взрослые иногда принимают решения, от которых другим людям очень больно. Но это не из-за тебя.

— Я же ничего плохого ему не сказала.

— Конечно, нет.

— Я старалась.

— Соня, посмотри на меня.

Она подняла заплаканное лицо.

— Ты не должна стараться так, чтобы папа захотел быть

рядом. Ты его дочь. Он сам отвечает за то, как с тобой поступает.

Она молчала.

Потом тихо спросила:

— А завтра он придет?

— Я не знаю.

Соня снова опустила голову.

Это был самый трудный ответ за весь день.

Но хотя бы правдивый.

Я посидела рядом, пока она не попросила оставить ее одну.

Потом укрыла одеялом, поцеловала в волосы и вышла.

В нашей спальне горел свет.

На кровати лежала новая мужская рубашка, которую Кирилл так и не надел.

Рядом стоял его пакет. Забирая сумку, он оставил часть вещей.

Я взяла рубашку, сложила и положила в шкаф.

Потом заметила, что на его стороне кровати примята подушка.

Наверное, он лежал на ней днем.

Я поправила наволочку, выключила верхний свет и села на край кровати.

Соня плакала за стеной.

Я слышала, как она время от времени шмыгала носом.

Мне хотелось пойти к ней снова, но дочь попросила по-

быть одной.

Я осталась сидеть.

Телефон лежал на тумбочке.

Ни одного сообщения от Кирилла.

Я открыла нашу переписку.

Последние строки были короткими.

«Выедем в шесть двадцать. Будем немного раньше».

«Хорошо. Жду».

Он написал это вчера вечером.

Я прокрутила сообщения выше.

Фотографии Сони. Новости мастерской. Его просьбы. Мои ответы.

В феврале он спрашивал, не слишком ли я устаю.

В марте благодарил за помощь.

В апреле написал, что обязательно свозит нас к морю.

Я смотрела на экран и никак не могла понять, когда наша общая жизнь перестала быть общей.

Для меня она продолжалась все эти восемь лет.

Для него, оказывается, уже давно закончилась.

Я выключила телефон.

Нужно было как-то дожить до утра.

Встать, приготовить завтрак, собрать Соню в школу или оставить дома, если она не сможет пойти. Позвонить Тамаре. Узнать, как разговаривать с дочерью о том, чего я сама пока не понимала.

На кухне ждали немытые тарелки.

На завтра был приготовлен обед на троих.

В шкафу висела новая мужская рубашка.

А возле входной двери лежали ключи, которые больше никому не были нужны.

Я легла на свою сторону кровати.

Впервые за восемь лет мне не нужно было считать дни до возвращения мужа.

И я понятия не имела, что теперь делать со следующим днем.

Глава 2. Кредит на твою новую жизнь

Утром я проснулась от звука чайника.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, почему Кирилл встал раньше меня.

Потом вспомнила вчерашний вечер.

Повернулась на другой бок.

Вторая половина кровати была пуста. Подушка лежала ровно, одеяло не было тронуто.

За восемь лет я привыкла спать одна. Иногда раскладывала на свободной половине выкройки, журналы или вещи, которые собиралась отвезти в мастерскую. В последние недели перед возвращением мужа специально отучала себя от этой привычки.

А теперь снова лежала одна.

На часах было семь двадцать.

Я села, опустила ноги на пол и некоторое время смотрела на шкаф.

Вчера вечером я убрала туда рубашку Кирилла. Новую, светло-голубую. Он даже не примерил ее.

На кухне что-то звякнуло.

Я надела халат и вышла.

Соня стояла возле плиты. Волосы она собрала в небреж-

ный хвост, под глазами были темные круги.

— Ты чего так рано? — спросила я.

— Не спится.

Она достала две чашки.

— Я чай сделала. Тебе с лимоном?

— Давай.

Я подошла, выключила чайник и обняла дочь за плечи.

Она не отстранилась, но и не обняла меня в ответ.

— Сонь, ты как?

— Нормально.

Я посмотрела на ее лицо.

— Совсем не спала?

— Немного.

Она поставила передо мной чашку и села напротив.

На столе лежал телефон. Соня время от времени поглядывала на экран.

Я поняла, чего она ждет.

— Папа еще не звонил? — спросила я.

— Нет.

— Я сегодня с ним свяжусь.

— Не надо.

— Соня...

— Мам, пожалуйста. Не надо ему говорить, чтобы он мне позвонил.

Я замолчала.

Она долго размешивала сахар, потом наконец отложила

ложку.

— Если захочет, сам позвонит.

Мне хотелось возразить. Объяснить, что Кирилл вчера пережил тяжелый день, что ему нужно время освоиться и он обязательно вспомнит о дочери.

Я даже открыла рот.

Потом закрыла.

Вчера я уже достаточно говорила за него.

— Хорошо, — сказала я. — Но нам все равно придется обсудить, когда вы сможете видеться.

— Я знаю.

Она отпила чай.

— Мам, а ты теперь разведешься?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я посмотрела на нее.

— Наверное, да.

— Из-за той женщины?

Я вздохнула.

— Не только из-за нее. Папа решил жить отдельно. Он сказал, что хочет быть с другим человеком.

— А если передумает?

Я не знала, что ответить.

Еще вчера утром я была уверена, что больше никогда не придется обсуждать с дочерью возвращение отца.

Теперь каждое слово требовало осторожности.

— Сонь, я не хочу обещать тебе то, чего не знаю.

Она опустила глаза.

— Я поняла.

— Но я могу обещать другое. Мы с тобой останемся вместе. Ты будешь жить дома, ходить в свою школу, заниматься рисованием. А с папой сможешь общаться, даже если мы разведемся.

— Он ведь может забрать меня к себе?

Я удивилась.

— Почему ты так решила?

— Не знаю. В кино иногда так делают.

— Никто не собирается тебя забирать. Ты живешь со мной, и мы не обсуждали никаких других вариантов.

Соня кивнула.

Потом спросила:

— А у этой женщины есть дети?

— Не знаю.

— Совсем ничего про нее не знаешь?

— Только имя.

Она снова замолчала.

Я не стала спрашивать, какие мысли сейчас крутятся у нее в голове.

Мы сидели за столом, пока чай не остыл.

В половине восьмого я предложила приготовить завтрак. Соня отказалась от каши, согласилась на бутерброд, но съела только половину.

Когда пришло время собираться в школу, она все еще си-

дела в пижаме.

— Сонь, у тебя первый урок во сколько?

— В восемь тридцать.

— Тогда пора одеваться.

Она посмотрела на меня.

— Можно я сегодня не пойду?

Обычно я не разрешала пропускать уроки без причины.

Но сегодня причина была.

Я помнила себя после бессонной ночи. Мне самой хотелось закрыть дверь спальни и пролежать там до вечера.

— Один день можно, — сказала я. — Я предупрежу классную руководительницу. Только задания потом узнаешь.

Соня кивнула.

— Спасибо.

Она встала, подошла ко мне и обняла.

Крепко, почти отчаянно.

Я прижала ее к себе.

— Мам, — прошептала она, — а почему он вчера вообще приезжал к нам?

Я закрыла глаза.

— Потому что хотел нас увидеть.

— А потом вспомнил, что у него другая?

— Нет, солнышко. Он знал об этом заранее.

Соня отстранилась.

— Тогда зачем он смотрел со мной кино?

Я не нашла ответа.

Она смотрела на меня, ждала.

Впервые я не могла придумать даже утешительного объяснения.

— Не знаю, — призналась я.

Соня медленно кивнула.

— Я тоже.

Она ушла в свою комнату.

А я осталась стоять возле стола, чувствуя, что должна сделать хоть что-нибудь.

Позвонить Кириллу.

Потребовать объяснений.

Сказать, что он не имеет права поступать так с дочерью.

Но я уже знала, что объяснения не изменят произошедшего.

Поэтому сначала написала учительнице.

Потом открыла переписку с мужем.

Последним сообщением там было его короткое «Жду», отправленное перед нашей поездкой.

Я несколько минут смотрела на эти три буквы.

Затем набрала:

«Соня очень расстроена. Сегодня осталась дома. Нам нужно договориться, когда ты сможешь с ней увидеться. И пожалуйста, больше не обещай ей то, чего не собираешься выполнять».

Отправила.

Телефон положила экраном вниз.

Через десять минут пришел ответ:

«Я все понимаю. Позвоню позже».

Ни вопроса о дочери, ни объяснений.

Я хотела написать еще что-нибудь.

Но впервые за долгое время не стала продолжать разговор.

***

В мастерской пахло тканью, нагретым утюгом и свежесваренным кофе.

Я открыла дверь около десяти.

Тамара сидела за машинкой, подшивая плотную серую штору. Услышав меня, она подняла голову.

— А ты чего здесь?

— Работать пришла.

— У тебя же сегодня выходной.

— Передумала.

Она посмотрела на мое лицо и выключила машинку.

— Что случилось?

Я поставила сумку возле стола.

— Кирилл вчера приехал.

— Я знаю. Ты же его встречала.

— И вчера же уехал.

Тамара некоторое время молчала.

Потом медленно сняла очки.

— Куда?

— К другой женщине.

Она даже не сразу отреагировала.

— Подожди. Он только освободился?

— Да.

— И прямо вчера?

Я кивнула.

Тамара положила очки на стол.

— Вера, я сейчас что-нибудь скажу, а ты потом пожалеешь, что рассказала мне.

Я неожиданно улыбнулась.

— Тогда лучше не говори.

— Вот именно.

Она встала, подошла к шкафчику и достала вторую кружку.

— Кофе будешь?

— Буду.

— Садись.

Я села на высокий табурет возле раскройного стола.

Тамара молча налила кофе, поставила передо мной сахарницу и вернулась к своей машинке.

Я была ей благодарна за то, что она не стала сразу расспрашивать.

Тамара работала со мной третий год.

До этого почти двадцать лет шила в ателье, которое закрылось после смены владельца. Когда она пришла ко мне, я могла предложить только неполную занятость и небольшую

оплату.

Сейчас заказов стало больше, и Тамара работала постоянно.

Мы ссорились из-за сроков, спорили о материалах, иногда по полчаса обсуждали, как лучше обработать сложный край.

Но она никогда не лезла в мою жизнь без разрешения.

Через несколько минут я сама заговорила:

— Он сказал, что у него другая уже полтора года.

Тамара остановила машинку.

— Полтора?

— Да.

— А ты все это время ездила к нему?

— Ездила.

— И он ничего не говорил?

— Нет.

Она посмотрела на меня.

— А деньги ты ему все это время отправляла?

Я кивнула.

— Когда просил.

— Понятно.

Тамара выдохнула.

— Ладно. Не буду ничего говорить.

Я усмехнулась.

— Ты уже все сказала.

— Нет, Вера. Если я скажу все, мы до обеда работать не начнем.

Я впервые за сутки рассмеялась по-настоящему.

Ненадолго.

Потом слезы снова подступили к глазам, и я отвернулась к окну.

Тамара сделала вид, что не заметила.

— У нас заказчица звонила, — сказала она. — Та, что шторы в детскую заказывала. Говорит, на одной петле строчка неровная.

Я вытерла лицо салфеткой.

— На какой?

— На третьей от края. Я фотографии попросила. Там действительно немного повело ткань.

— Переделать надо.

— Уже распорола. К обеду закончу.

— Хорошо.

Я достала блокнот.

— Что у нас еще?

Тамара начала перечислять заказы.

Две пары льняных штор для квартиры на Садовой. Покрывало с декоративной строчкой. Подушки для кафе. Замеры в новостройке на пятницу.

Я записывала сроки, проверяла счета, отвечала на сообщения клиентов.

Постепенно руки перестали дрожать.

Когда передо мной лежала ткань, я знала, что делать.

Нужно было измерить, раскроить, проверить направление

рисунка, обработать край.

Если что-то не получалось, можно было распороть шов и переделать.

С людьми все было значительно сложнее.

В полдень позвонила мама.

— Вер, я к вам заехала. Соня сказала, что ты на работе.

Я посмотрела на часы.

— Да. Нужно кое-что закончить.

— А Кирилл где?

Я молчала.

— Вера?

— Мам, он вчера уехал.

— Куда уехал?

— К женщине, с которой у него отношения.

На том конце стало тихо.

Потом мама переспросила:

— Что?

Я повторила.

Она долго ничего не говорила.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

— Он же вчера освободился.

— Мам, я знаю.

— И что он тебе сказал?

— Что хочет пожить для себя.

Я услышала, как мама тяжело опустилась на стул.

— Господи.

Потом она спросила:

— А Соня?

— Очень расстроена.

— Я вижу. Сидит в комнате, со мной почти не разговаривает.

— Не заставляй ее.

— Не буду.

Мама помолчала.

— Верочка, ты только не принимай сейчас никаких решений сгоряча.

Я закрыла глаза.

— Мам, пожалуйста.

— Я просто думаю, может, он сам пока не понимает, что делает. После стольких лет...

— Он полтора года общается с другой женщиной.

— Господи...

— Это не вчера началось.

Мама снова замолчала.

Я посмотрела на Тамару. Та делала вид, что увлечена строчкой.

— Мам, мне нужно работать.

— Хорошо. Я побуду с Соней, если она не против.

— Спасибо.

— Вечером поговорим.

Я закончила разговор.

Положила телефон и некоторое время смотрела на список заказов.

Тамара спросила:

— Все нормально?

— Нет.

Она кивнула.

— Тогда давай хотя бы шторы нормально сделаем.

И мы вернулись к работе.

***

Вечером Кирилл все-таки позвонил.

Я как раз разогревала ужин, когда Соня выбежала из комнаты с телефоном.

— Мам, папа звонит!

Она остановилась возле стола, будто не знала, можно ли радоваться.

— Ответь, конечно, — сказала я.

Соня ушла к себе.

Я слышала ее голос через приоткрытую дверь.

Сначала она разговаривала тихо. Потом стала рассказывать о школе, о конкурсе, о том, что завтра нужно сдать рисунок.

Кирилла я не слышала.

Через несколько минут Соня засмеялась.

Я остановилась с тарелкой в руках.

Смех был короткий, но настоящий.

Мне стало легче.

Потом я почувствовала такую сильную обиду, что пришлось поставить тарелку обратно на стол.

Он мог заставить ее смеяться.

Мог быть внимательным.

Мог разговаривать с дочерью так, будто ничего страшного не произошло.

Почему же вчера не смог просто сказать ей, что уедет?

Через десять минут Соня вышла.

— Папа сказал, что мы скоро увидимся.

Я положила ложку.

— Когда именно?

— Не знаю. Он сказал, договоримся.

— Дай я ему напишу, хорошо?

Она сразу насторожилась.

— Ты будешь ругаться?

— Нет. Просто уточню день.

— Мам, не надо с ним ругаться.

Я подошла и погладила ее по плечу.

— Не буду.

На следующий день Кирилл написал, что может встретиться с дочерью в субботу.

Я предложила городской парк возле библиотеки, где Соня часто гуляла с подругами.

Он согласился.

В субботу утром дочь трижды переоделась.

Сначала выбрала джинсы, потом платье, потом снова джинсы.

— Мам, нормально?

— Очень.

— Ты уверена?

— Сонь, папа идет гулять с тобой, а не выбирать одежду для показа.

Она фыркнула.

— Очень смешно.

Я улыбнулась.

Мы пришли к парку к трем часам.

Кирилл опоздал на десять минут, но предупредил сообщением. Соня все равно успела несколько раз спросить, не передумал ли он.

Когда отец появился, она побежала навстречу.

Я осталась возле скамейки.

Кирилл был в новой куртке. Не в той, в которой вышел из колонии. Наверное, Оксана помогла ему выбрать.

Он подошел вместе с дочерью.

— Привет, Вер.

— Привет.

— Мы часа на два, нормально?

— Да. Соня знает, во сколько вернуться.

Я посмотрела на него.

— Если планы изменятся, позвони.

— Конечно.

Он улыбнулся дочери.

— Ну что, куда пойдем?

Соня сразу заговорила о мороженом и новой выставке возле фонтана.

Я проводила их взглядом.

Они шли рядом, Кирилл слушал ее, иногда наклонял голову, чтобы расслышать.

На расстоянии выглядели совершенно обычными отцом и дочерью.

Мне захотелось заплакать: я все еще любила смотреть на них вместе.

Я зашла в небольшую кофейню неподалеку и заказала капучино.

Села возле окна, достала телефон, открыла рабочую почту.

Несколько раз поймала себя на том, что смотрю на дверь.

Глупо.

Соня была с родным отцом.

Но за восемь лет я привыкла отвечать за все, что с ней происходило.

Теперь мне придется учиться доверять ему хотя бы в обычных вещах.

Через два часа Соня вернулась довольная.

Кирилл проводил ее до скамейки.

— Мы погуляли, — сообщил он.

— Вижу.

— Папа мне мороженое купил, — сказала Соня. — И показал, где раньше работал. Там теперь магазин.

— Интересно?

— Очень.

Она повернулась к отцу.

— Пап, я тебе потом фотографии пришлю.

— Присылай.

Кирилл потрепал ее по волосам.

Она недовольно поправила хвост, но улыбнулась.

Когда он ушел, мы медленно направились к машине.

Соня молчала почти до самой парковки.

Потом спросила:

— Мам, ты не обижаешься, что я с ним гуляла?

Я даже остановилась.

— Конечно, нет.

— Просто ты теперь его не любишь.

Я посмотрела на дочь.

— Сонечка, мои отношения с папой не должны мешать твоим.

— Но ты же плакала.

— Да.

— Он тебя обидел.

— Обидел.

Она задумалась.

— А я все равно рада, что мы погуляли.

Я повернулась к ней. Она уже была почти моего роста.

— И правильно. Ты имеешь право любить папу.

Соня вздохнула.

— Я просто не хочу, чтобы ты думала, что я за него.

Я обняла ее.

— Тебе не нужно выбирать, за кого ты.

Она прижалась ко мне.

Несколько секунд мы стояли посреди тротуара, пока мимо проходили люди.

Потом Соня отстранилась.

— Мам, ну пойдем уже. На нас смотрят.

Я рассмеялась.

— Идем.

В тот вечер она впервые нормально поужинала.

Рассказывала о прогулке, о забавном мужчине с собакой, о мороженом, которое оказалось слишком сладким.

Я слушала.

Старалась не спрашивать, говорил ли Кирилл обо мне.

Не пыталась узнать, как он живет с Оксаной.

Все это было трудно.

Но еще труднее было признать, что дочь может проводить с ним счастливые два часа, а я после этого не получу обратно своего мужа.

***

В понедельник я окончательно вернулась к обычному рабочему графику.

Утром отвезла Соню в школу, заехала за фурнитурой, потом отправилась в мастерскую.

К обеду голова гудела от разговоров с заказчиками.

Одна женщина хотела шторы точно такого же оттенка, как на фотографии, сделанной при вечернем освещении.

Другая просила срочно подшить покрывало, но не могла объяснить, насколько именно.

Я отвечала спокойно.

Уточняла размеры, предлагала посмотреть образцы, договаривалась о сроках.

После обеда приехал поставщик с новой тканью.

Мы с Тамарой разложили рулоны, проверили оттенки и метраж.

— Смотри, — сказала она, проводя ладонью по плотному льну. — Вот этот можно Марине показать.

Я подняла голову.

— Какой Марине?

— Волковой. Ты же говорила, она гостиницу ремонтирует.

Я вспомнила о предложении, которое получила еще до освобождения Кирилла.

Марина Волкова была нашей постоянной заказчицей. Сначала мы шили ей шторы для квартиры, потом делали текстиль для загородного дома ее родителей.

Теперь она купила небольшой отель за городом и собиралась постепенно обновлять номера.

Заказ был серьезный.

Четырнадцать комнат, общая гостиная, плотные портьеры, тюль, декоративные подушки.

Для нашей маленькой мастерской это могло стать хорошей работой на несколько месяцев.

Я отложила ткань.

— Она говорила, что после двадцатого определится с подрядчиками.

— Вот и напомни о себе.

— Напомню.

Тамара посмотрела на меня.

— Ты из-за Кирилла сейчас ничего отменять не собираешься?

— Нет.

— Хорошо.

Она вернулась к раскрою.

Я достала блокнот с расчетами по гостинице.

Цифры были большими.

Материалы, работа, доставка, возможные ошибки, аренда.

Я проверила предварительную смету.

Для начала потребуется значительный аванс. Без него мы не сможем закупить ткань.

Но если Марина согласится на поэтапную оплату, заказ вполне выполним.

Я погрузилась в расчеты так глубоко, что не заметила, как зазвонил телефон.

На экране было имя Кирилла.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом ответила.

— Да?

— Привет, Вер.

— Привет.

— Ты где?

— На работе.

— А долго будешь?

— До шести. Что случилось?

— Хотел поговорить.

Я напряглась.

— О Соне?

— Не совсем.

— Тогда о чем?

— Лучше лично.

Я посмотрела на часы.

— Сегодня не могу. У меня заказ.

— Завтра?

— Завтра после пяти.

— Я подъеду к мастерской.

— Хорошо.

Он немного помолчал.

— Вер, ты как вообще?

Этот вопрос прозвучал так неожиданно, что я растерялась.

— Работаю.

— Я не про работу.

Я посмотрела на Тамару.

Она проверяла шов и не обращала на меня внимания.

— Кирилл, если ты хочешь что-то сказать, говори.

Он вздохнул.

— Ладно. Завтра поговорим.

Когда звонок закончился, я долго сидела с телефоном в руке.

Внутри проснулась надежда.

Совершенно нелепая.

Я понимала, что Кирилл живет с другой женщиной.

Знала, что он сам принял это решение.

Но слова «хотел поговорить» заставили сердце биться быстрее.

Вдруг он понял, что ошибся?

Вдруг первые дни свободы оказались совсем не такими, как он представлял?

Вдруг вспомнил о нас?

Я разозлилась на себя.

Потом все равно поймала свое отражение в темном экране телефона и подумала, что завтра надо хотя бы выспаться.

***

Кирилл приехал на следующий день без опоздания.

Я как раз закрывала мастерскую.

Тамара ушла полчаса назад, а я проверяла, все ли выключено.

Когда открыла дверь, Кирилл стоял возле входа в светлой куртке и держал телефон.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Я посмотрела на него внимательнее.

За неделю он словно немного изменился.

Держался увереннее, выглядел спокойнее. На лице не было той растерянности, которую я заметила в день освобождения.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я прежде, чем успела подумать.

Он улыбнулся.

— Спасибо. Ты тоже.

Я знала, что выгляжу уставшей.

Но все равно почувствовала тепло от его слов.

— Зайдешь? — спросила я.

— Да, если можно.

Я пропустила его внутрь.

Кирилл осмотрел мастерскую.

Здесь он еще никогда не был.

На стене висели образцы тканей. Возле окна стояли две машинки, у дальней стены — большой стол для раскроя.

На полках лежали аккуратно сложенные рулоны.

— Неплохо ты устроилась, — заметил он.

— Стараюсь.

Он подошел к одной из машин.

— Дорогая?

— Эта около ста двадцати стоила. Я брала ее два года назад.

— Серьезно?

— Профессиональное оборудование дешевым редко бывает.

Кирилл присвистнул.

— А эта?

— Поменьше. Но она для других операций.

Он осмотрел помещение.

— И сколько ты здесь платишь?

— За аренду двадцать семь тысяч.

— В месяц?

— Конечно.

Он кивнул.

— Значит, нормально зарабатываешь.

Мне не понравилось, как он это сказал.

— Работа есть. Но расходы тоже большие.

— Понятно.

Он сел на свободный стул.

Я осталась стоять возле стола.

— О чем ты хотел поговорить?

Кирилл сложил руки.

— Я работу нашел.

Я искренне обрадовалась.

— Правда? Где?

— В транспортной компании. Помощником диспетчера. Пока на испытательном сроке.

— Это хорошо.

— Оксана помогла устроиться.

Я почувствовала неприятный укол, но кивнула.

— Понятно.

Кирилл посмотрел на меня.

— Вер, я не хочу всю жизнь в диспетчерах сидеть.

— А чего хочешь?

— Свое дело.

Он произнес это так, будто продолжал разговор, который мы когда-то начали и просто не успели закончить.

Я присела напротив.

— Какое?

— Есть один вариант. Знакомый занимается поставками корпусной мебели. Не производством, а продажами. Можно брать готовые комплекты, собирать заказы и продавать через

небольшую точку.

Я слушала.

— Он хочет расширяться, — продолжал Кирилл. — Ему нужен человек, который понимает рынок. Я раньше этим занимался.

— И что он предлагает?

— Работать вместе.

— На каких условиях?

Кирилл махнул рукой.

— Пока обсуждаем.

— Ну, если все получится, хорошо.

Он посмотрел на меня.

— Там только один вопрос.

Я насторожилась.

— Какой?

— Нужно стартовое вложение.

Я молчала.

— Шестьсот тысяч, — сказал он.

Я медленно выдохнула.

— Понятно.

— Это не такие уж огромные деньги для бизнеса.

— Для кого как.

— Вер, ты же сама понимаешь, как это работает. Без вложений ничего не получится.

Я смотрела на него и ждала продолжения.

Кирилл немного подался вперед.

— Мне сейчас кредит не дадут. Ты понимаешь почему.

— Понимаю.

— А у тебя хорошая история. Ты ИП, давно работаешь, обороты есть.

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

— Кирилл, что ты предлагаешь?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Возьми кредит на себя.

В мастерской стало очень тихо.

За окном проехала машина.

Где-то в соседнем помещении хлопнула дверь.

Я слышала все эти звуки и одновременно никак не могла поверить, что муж только что произнес.

— Шестьсот тысяч? — уточнила я.

— Да.

— На мое имя?

— Ну да.

— А платить кто будет?

— Я, конечно.

Я смотрела на него.

— Из каких денег?

Кирилл нахмурился.

— Вер, я же объясняю. Начнем продавать мебель, пойдут заказы.

— А если не пойдут?

— Пойдут.

— Ты уже договор заключил?

— Пока нет. Но мы все обсудили.

— С кем?

— С человеком, которого я знаю.

— Как давно?

— Какая разница?

Я опустила глаза на стол.

Передо мной лежала папка с заказами. На обложке Тамара крупными буквами написала: «Не забыть проверить размеры».

Я сама всегда проверяла размеры дважды.

И сейчас вдруг поняла, что Кирилл предлагает мне подписать обязательство на шестьсот тысяч, не показав ни одного расчета.

— Кирилл, я не буду брать кредит.

Он моргнул.

— Подожди. Ты даже не дослушала.

— Я услышала главное.

— Вер, ты же понимаешь, что это шанс для меня начать нормально жить.

Я посмотрела на него.

— Ты уже начал. У тебя есть работа.

— Это временно.

— Возможно. Но кредит я брать не буду.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Ясно.

Я знала этот тон.

Раньше после него почти всегда начинался долгий разговор, в котором мне приходилось объяснять, что я не против Кирилла, просто обстоятельства сложные.

Я даже почувствовала привычное желание смягчить отказ.

Сказать, что, может быть, позже.

Что надо подумать.

Что я попробую узнать условия в банке.

Но все эти слова означали бы только одно: Кирилл снова получит надежду на мое согласие.

— Ты обиделся? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— А как ты думаешь?

Я сжала руки.

— Я не могу рисковать такими деньгами.

— Почему рисковать? Я же не собираюсь их выбрасывать.

— Если кредит оформлен на меня, платить по нему должна буду я. Независимо от того, получится у тебя бизнес или нет.

— Я буду помогать.

Я невольно улыбнулась.

— Помогать?

Кирилл нахмурился.

— Что смешного?

— Ничего.

Я подняла на него глаза.

— Ты предлагаешь мне взять большой кредит, чтобы начать дело с другой женщиной под одной крышей. А мне обещаешь помогать с платежами.

— При чем здесь Оксана?

— При том, что мы больше не живем вместе.

— И что? Мы теперь чужие?

Я не сразу ответила.

Еще вчера этот вопрос заставил бы меня почувствовать вину.

— Мы родители Сони, — сказала я. — Но это не значит, что я обязана финансировать твой бизнес.

Кирилл потер лицо ладонями.

— Господи, Вера. Я ведь не прошу подарить мне деньги.

— Тогда оформи заем с документами и обеспечением, когда у тебя будет понятный план. Но кредит на себя я все равно не возьму.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

Он встал.

Прошелся вдоль стола, посмотрел на рулоны ткани.

— Слушай, я вообще не ожидал такого отношения.

Я молчала.

— Восемь лет ты говорила, что мы семья. Что все преодолеем. А теперь я вышел, у меня появилась возможность работать на себя, и ты сразу отвернулась.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается боль.

— Ты сам ушел из семьи.

Кирилл резко повернулся.

— Мы сейчас не об этом.

— А мне кажется, именно об этом.

Он смотрел на меня с раздражением.

— Ты просто хочешь меня наказать.

Я покачала головой.

— Нет.

— Тогда почему отказываешь?

Я не знала, как объяснить очевидное человеку, который не хотел его понимать.

— Потому что у меня есть дочь, мастерская, обязательства перед сотрудницей и заказчиками. Я не могу взять шестьсот тысяч только потому, что ты решил снова заниматься бизнесом.

— Значит, себе ты доверяешь, а мне нет?

Я посмотрела на него.

Вспомнила суд.

Потерпевших, которые приходили на заседания.

Женщину, плакавшую из-за денег, взятых на ремонт квартиры.

Мужчину, который показывал какие-то расписки.

Я тогда старалась не смотреть на них.

Мне казалось, что все они ошибаются.

Что Кирилл просто оказался в трудной ситуации.

— Я хочу видеть расчеты и договоры, — сказала я. — И даже если все будет идеально, кредит на себя не оформлю.

Кирилл горько усмехнулся.

— Сколько новых правил.

— У меня всегда были правила. Просто раньше я часто отказывалась от них ради тебя.

Он взял телефон.

— Ладно. Я понял.

Я поднялась.

— Кирилл, я рада, что ты нашел работу. Правда. И хочу, чтобы у тебя все получилось.

— Только без твоей помощи.

— Без моего кредита.

Он ничего не ответил.

Подошел к двери.

Потом остановился.

— А ты подумала, что это и для Сони может быть хорошо? У ее отца будет нормальный заработок. Я смогу ей помогать, покупать вещи, возить отдыхать.

Я почувствовала, как у меня сжалось сердце.

Он знал, какие слова выбрать.

— Соне нужен отец, который выполняет обещания, — ответила я. — А не кредит на мое имя.

Кирилл отвернулся.

— Удобно тебе рассуждать. У тебя все готово.

Я посмотрела на машинки, на стол, на рулоны ткани.

На помещение, которое снимала уже три года.

На работу, ради которой вставала в шесть утра, пропускала выходные и иногда засыпала прямо над расчетами.

— Ничего у меня не было готово, Кирилл.

Он не ответил.

Открыл дверь и вышел.

Я осталась одна.

Несколько минут стояла неподвижно.

Потом подошла к столу и села.

Мне было плохо.

Не потому, что я сомневалась в решении.

А потому, что впервые за много лет сказала Кириллу окончательное «нет».

И он ушел недовольным.

Раньше это обязательно означало бы начало моего беспокойства.

Я бы звонила, объясняла, пыталась помириться.

Теперь я просто сидела и смотрела на закрытую дверь.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Кирилла.

«Я думал, что хотя бы ты меня поймешь».

Я прочитала.

Положила телефон.

Ответа он в тот вечер не получил.

***

На следующий день я встретилась с юристом.

Елену Костину мне посоветовала знакомая предпринимательница, которая несколько лет назад проходила через развод.

Мы договорились заранее, еще после первого разговора с Кириллом.

Но до последнего момента я надеялась, что смогу обойтись обычной консультацией.

Вдруг мы все-таки поговорим спокойно?

Вдруг он согласится оформить развод без споров?

После вчерашнего разговора я поняла, что лучше сразу знать свои права и обязанности.

Офис Елены находился на втором этаже старого здания возле центра города.

Я поднялась по лестнице, постучала и вошла.

За столом сидела женщина лет сорока пяти с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами.

— Вера Николаевна?

— Да.

— Проходите. Присаживайтесь.

Она предложила воду, открыла блокнот.

— Расскажите, что произошло.

Я начала с самого простого.

Мы поженились в две тысячи одиннадцатом году. У нас тринадцатилетняя дочь. Муж восемь лет находился в заключении. Недавно освободился и сообщил, что будет жить с другой женщиной.

Елена записывала даты.

— Ребенок проживает с вами?

— Да.

— Муж собирается оспаривать это?

— Насколько я знаю, нет.

— Имущественные требования уже заявлял?

Я вспомнила вчерашний разговор.

— Он просил взять кредит на шестьсот тысяч для его бизнеса.

Елена подняла глаза.

— Вы согласились?

— Нет.

— Ничего не подписывали?

— Нет.

— Хорошо.

Она записала еще несколько строк.

— Давайте отдельно разберем развод, ребенка и имущество. Это связанные вопросы, но не нужно смешивать их в один спор.

Мы начали с документов.

Паспорт, свидетельство о браке, свидетельство о рождении Сони.

Елена объяснила, как можно подать иск, если место проживания ребенка не оспаривается. Предупредила, что Кирилл может попросить время для примирения и суд вправе его предоставить.

— А если я не хочу мириться? — спросила я.

— Вы можете ясно изложить свою позицию. Но само по себе ваше несогласие не исключает, что суд назначит срок для примирения. Это не означает, что вас могут заставить восстановить семью.

Я некоторое время смотрела на нее.

— Понятно.

— Квартира кому принадлежит?

— Мне. Бабушка подарила до свадьбы.

— Документы есть?

— Да.

— Принесите копию договора и выписку. Это важно.

Она перешла к следующему вопросу.

— Автомобиль?

— Мамин. Она давала нам пользоваться.

— На кого зарегистрирован?

— На нее.

— Хорошо. Теперь ваша мастерская.

Я объяснила, когда зарегистрировала ИП, какое оборудование купила, сколько плачу за аренду.

Елена слушала внимательно.

— Значит, все основное имущество для работы приобре-

тено уже в браке?

— Да. Но на мои деньги.

Она кивнула.

— Это распространенная ситуация. Нужно смотреть документы, источник средств, характер имущества и возможные требования мужа. То, что он находился в заключении, само по себе не означает, что все купленное в этот период автоматически принадлежит только вам.

Я почувствовала неприятный холодок.

— Он может потребовать мои машинки?

— Может заявить требования. Это не значит, что он получит именно оборудование. Существуют варианты раздела и денежной компенсации. Сначала соберем документы и сделаем расчет.

Я вздохнула.

— Я не хочу продавать мастерскую.

— Понимаю. Поэтому не будем принимать решений наугад.

Она сделала пометку.

— А старое уголовное дело? Есть исполнительные производства, взыскания?

— Насколько я знаю, были. Часть денег Кирилл должен был возместить потерпевшим. Я не знаю, что уже выплачено.

— Тогда это тоже необходимо проверить. Нельзя считать имущество свободным от всех обязательств, пока мы не установим ситуацию.

В который раз за последние дни мне пришлось признать, что многого я не знала.

Я знала, какие продукты любит Кирилл.

Какие передачи ему нужны.

Как он переживает плохие новости.

Но не могла уверенно сказать, сколько именно денег он еще должен людям, пострадавшим из-за его дела.

— А Соня? — спросила я.

Елена отложила ручку.

— Что именно вас беспокоит?

— Я не хочу запрещать ей встречаться с отцом. Но и не хочу, чтобы он обещал ей то, чего не будет.

— Вы можете заранее договориться о порядке общения. Если договориться не удастся, существуют правовые способы урегулирования. Но никакой документ не заменит ответственности родителей.

Я грустно улыбнулась.

— Это я уже поняла.

— Вы сейчас хотите оставить дочь проживать с вами?

— Да.

— Она сама этого хочет?

— Да. Хотя очень переживает из-за отца.

— Тогда фиксируем это как текущую ситуацию. С отцом нужно отдельно обсудить порядок встреч и содержание ребенка.

Я посмотрела на записи Елены.

— А если он пока мало зарабатывает?

— Его обязанность содержать дочь не исчезает. Конкретный порядок и размер мы обсудим с учетом обстоятельств. И не стоит связывать алименты с вопросами раздела имущества или вашего личного общения с бывшим мужем.

Некоторое время мы молча разбирали документы.

Потом Елена спросила:

— Вера Николаевна, вы уверены, что хотите разводиться?

Я подняла голову.

— А разве по моим словам непонятно?

Она спокойно посмотрела на меня.

— Я спрашиваю не для того, чтобы вас отговорить. Мне важно понимать вашу позицию. Иногда человек приходит в первые дни конфликта, а через неделю меняет решение. Это его право. Но мне нужно знать, к чему мы готовимся.

Я опустила глаза.

Передо мной лежало свидетельство о браке.

Небольшой лист бумаги, который я хранила в папке с самыми важными документами.

Когда мы расписывались, мне был двадцать один год.

Кирилл стоял рядом в темном костюме, улыбался и все время поправлял галстук.

После регистрации мы поехали фотографироваться в парк.

Начался дождь, и я испугалась, что испортится прическа.

Кирилл снял пиджак, накрыл им мне голову и сказал, что

будет защищать меня от всех неприятностей.

Мы тогда так смеялись, что фотографу пришлось несколько раз просить нас успокоиться.

Я помнила этот день.

Помнила, что любила его.

И не могла просто вычеркнуть все хорошее из нашей жизни.

— Я не хотела разводиться, — сказала я наконец. — Я хотела жить с мужем. Но он выбрал другую женщину. И я не собираюсь ждать, когда он решит, нужна ли ему снова.

Елена молча кивнула.

— Тогда начнем с иска.

Я выдохнула.

Она повернула ко мне список необходимых документов.

— Вот что нужно принести. Часть уже есть. Остальное соберете в ближайшие дни.

Я взяла листок.

Внизу Елена написала предварительный перечень бумаг по имуществу.

Я аккуратно сложила его и убрала в сумку.

Когда вышла на улицу, солнце било прямо в глаза.

Я остановилась возле входа и достала телефон.

Хотелось позвонить Кириллу.

Сказать, что я только что была у юриста.

Спросить, действительно ли он готов потерять семью.

Потребовать, чтобы он хотя бы раз ответил честно.

Я открыла его номер.

Потом закрыла.

Если человек уже ушел к другой женщине, не обязательно каждый раз сообщать ему, как тяжело переживаешь его решение.

Особенно если он использует это для очередного разговора о своих трудностях.

Я убрала телефон и пошла к машине.

***

Вечером мы с Соней готовили ужин.

Она чистила картошку, я резала овощи.

На фоне работал телевизор, но мы почти не смотрели.

— Мам, у нас в пятницу последний большой проект по истории, — сказала Соня.

— Помню. Ты с Настей делаешь?

— Да. Только она опять ничего не прислала.

— Напомни ей.

— Я уже три раза напоминала.

— Тогда распределите работу по-другому или поговори с учительницей.

Соня вздохнула.

— Ты всегда так говоришь.

Я улыбнулась.

— Потому что это иногда помогает.

Она перестала чистить картошку.

— Мам, а ты правда разводиться будешь?

Я посмотрела на нее.

— Да.

— Уже решила?

— Да.

Соня долго смотрела на картофелину в руке.

— А если папа попросит прощения?

Я выключила воду.

— Просить прощения можно за разные вещи.

— Ну, если скажет, что ошибся.

Я задумалась.

Еще несколько дней назад мне самой хотелось услышать от Кирилла именно эти слова.

Наверное, я бы расплакалась, обняла его и попыталась начать все сначала.

Но вчера он просил меня взять кредит.

Не спрашивал, как я себя чувствую.

Не говорил о том, что сделал с нашей семьей.

Он просто пришел за деньгами.

И обиделся, когда я отказала.

— Сонь, я пока не знаю, что папа скажет в будущем, — ответила я. — Но разводиться я решила не для того, чтобы он попросил прощения. Я больше не хочу жить так, как мы жили в последнее время.

— Ты же с ним вообще не жила.

Я замерла.

Потом медленно кивнула.

— Да. Ты права.

Дочь посмотрела на меня.

— А почему тогда ты все время говорила, что у нас семья?

Я села за стол.

— Потому что я в это верила.

Она стояла возле раковины, держа нож.

— А теперь не веришь?

— Теперь я знаю, что одного моего желания недостаточно.

Соня положила нож на доску.

— Мне кажется, папа еще передумает.

Я почувствовала знакомую боль.

— Возможно. Но даже если передумает, это не значит, что все станет как раньше.

Она опустила голову.

— Понятно.

Я подошла и обняла ее.

Соня не плакала.

Просто стояла, прижавшись ко мне.

Через некоторое время спросила:

— Мам, а можно я в субботу снова с ним погуляю?

— Если вы договоритесь, конечно.

— Я ему сама напишу.

— Хорошо.

Она чуть отстранилась.

— Ты только не проверяй каждое сообщение.

Я улыбнулась.

— Не буду. Но если он предложит куда-то поехать далеко или с ночевкой, сначала обсудим вместе.

— Ладно.

Соня взяла телефон и ушла к себе.

Я осталась на кухне.

В кастрюле уже закипала вода.

На доске лежал недочищенный картофель.

Я взяла нож и продолжила готовить.

В этом было что-то обидное и одновременно успокаивающее.

Наша жизнь не остановилась.

Соне по-прежнему нужно было делать уроки.

Мне — оплачивать аренду и покупать продукты.

Маме — ездить на свои обследования.

Тамаре — получать зарплату.

Все продолжалось, даже если внутри у меня ничего не было на месте.

***

Через два дня я снова приехала к Елене.

Привезла документы, которые она просила.

Мы проверили заявление, уточнили сведения о браке и дочери.

— По ребенку пока спора нет? — спросила она.

— Кирилл не говорил, что хочет забрать Соню. Они встречаются. Я не препятствую.

— Хорошо. По имущественным вопросам будем работать отдельно. Иначе можем затянуть процесс.

Мы еще раз обсудили, что нужно подготовить на случай возражений Кирилла.

Потом я подписала необходимые бумаги.

Елена показала, куда подать заявление.

В тот день я отнесла документы в судебный участок.

Обычный коридор, несколько стульев, объявления на стене.

Передо мной стояла женщина с толстой папкой. Она долго искала нужную квитанцию и нервничала.

Я помогла ей поднять листы, которые упали на пол.

Потом подошла моя очередь.

Ничего особенного не произошло.

Никто не спрашивал, сколько лет я ждала мужа.

Никто не удивлялся, что человек, который вчера только вернулся, уже уходит к другой.

Я просто подала документы.

Когда вышла из здания, остановилась на крыльце.

Достала телефон.

В сообщениях было напоминание от поставщика тканей.

Тамара спрашивала, успею ли я заехать за молниями.

Соня прислала фотографию школьного проекта и написа-

ла, что учительница похвалила оформление.

А от Кирилла ничего не было.

Я ответила дочери, потом Тамаре.

Села в машину.

И только тогда заметила, что плачу.

Тихо, без всхлипываний.

Я вытерла щеки салфеткой и положила руки на руль.

Восемь лет я берегла наш брак.

Старалась не думать о том, как изменилась моя жизнь.

Планировала возвращение мужа, откладывала деньги, покупала вещи, сохраняла его письма.

А теперь подала на развод.

За десять дней до этого я даже представить не могла, что сделаю такое.

Мне хотелось позвонить матери.

Но я вспомнила ее слова о том, что не нужно принимать решения сгоряча, и решила сначала успокоиться.

Не потому, что боялась возражений.

Просто не хотела снова оправдываться.

Я завела двигатель и поехала в мастерскую.

***

К вечеру мне позвонила Марина Волкова.

Я как раз закрывала счет за выполненный заказ.

— Вера, добрый вечер. Удобно разговаривать?

— Да, Марина Сергеевна.

— Я по поводу гостиницы. Помните, мы обсуждали текстиль?

— Конечно.

— Мы определились с первым этапом ремонта. Хотела бы встретиться на следующей неделе и все подробно посмотреть.

Я выпрямилась.

— Отлично. Когда вам удобно?

— В понедельник. Часов в одиннадцать. Сможете приехать?

Я открыла календарь.

В понедельник утром у меня был только один короткий замер.

— Да. К одиннадцати успею.

— Хорошо. Только я сразу предупрежу: там будет еще один подрядчик. Нам нужно совместить размеры мебели и текстиля, чтобы потом не переделывать.

— Конечно. Кто занимается мебелью?

Марина назвала имя.

— Андрей Беляев.

Я замерла.

Некоторое время не могла произнести ни слова.

— Вера? — переспросила Марина. — Вы меня слышите?

— Да.

— Вы знакомы с Андреем?

Я посмотрела на стену.

На ней висел календарь с пометками о заказах.

Андрей Беляев.

Я не слышала этого имени несколько лет.

Но помнила его очень хорошо.

Помнила высокий рост, темный костюм, спокойный голос.

Помнила, как он сидел в зале суда и отвечал на вопросы.

Как передавал документы.

Как смотрел на Кирилла, когда тот пытался объяснить, что ничего плохого не сделал.

Я тогда ненавидела Андрея.

Мне казалось, что именно он разрушил нашу жизнь.

После одного из заседаний я догнала его в коридоре.

Сказала, что он предал человека, который ему доверял.

Он пытался ответить, но я не дала.

Помню, как дрожал мой голос.

Как Андрей стоял молча и смотрел на меня.

Как я сказала ему, чтобы он больше никогда не приближался к моей семье.

— Да, — ответила я Марине. — Мы знакомы.

Она помолчала.

— Это проблема?

Я открыла рот.

Хотела сказать, что да.

Что я не могу работать с человеком, из-за которого мой

муж провел восемь лет в заключении.

Что мне достаточно сложностей в личной жизни и я не собираюсь добавлять к ним еще одну.

Но остановилась.

На этой неделе Кирилл просил у меня шестьсот тысяч на свое новое дело.

Он уверенно говорил, что понимает рынок, что у него есть хороший партнер, что нужно только получить деньги.

Андрей когда-то тоже был его партнером.

Я смотрела на календарь и вдруг впервые за много лет задумалась о другом.

Почему Андрей тогда вообще передал документы?

Что он получил взамен?

Я знала версию Кирилла.

Слышала ее десятки раз.

Но ни разу не попыталась разобраться в том, что произошло с самим Андреем после суда.

— Вера? — снова позвала Марина.

Я глубоко вдохнула.

— Простите. Задумалась.

— Если между вами есть какие-то сложности, я могу организовать встречу отдельно.

Мне захотелось согласиться.

Но мы говорили о большом заказе.

Четырнадцать номеров.

Работа для мастерской на несколько месяцев.

Новые клиенты, хороший заработок, возможность не зависеть от мелких срочных заказов.

Я не хотела отказываться от этого только потому, что когда-то поссорилась с другим подрядчиком.

— Нет, — сказала я. — Отдельная встреча не нужна.

— Уверены?

— Да. Мы взрослые люди. Сумеем обсудить работу.

Марина заметно обрадовалась.

— Замечательно. Тогда в понедельник в одиннадцать. Я пришлю адрес и список помещений.

— Хорошо.

Мы попрощались.

Я положила телефон на стол.

Потом достала старый блокнот, где записывала расходы по мастерской, и нашла предварительный расчет гостиничного заказа.

Я уже знала, что придется пересмотреть стоимость нескольких материалов.

Нужно будет взять образцы плотных тканей, подготовить варианты креплений, проверить сроки поставки.

Я записала все в ежедневник.

Потом остановилась.

В понедельник мне предстояло встретиться с Андреем Беляевым.

Человеком, которого я восемь лет считала одним из виновников своих бед.

Когда-то я была уверена, что никогда не стану с ним разговаривать.

Теперь сама согласилась на встречу.

Я посмотрела на телефон.

В переписке с Кириллом по-прежнему висело его последнее сообщение:

«Я думал, что хотя бы ты меня поймешь».

Я закрыла переписку.

Открыла контакт Марины и написала:

«Марина Сергеевна, спасибо за приглашение. Подготовлю образцы и предварительную смету. В понедельник буду к одиннадцати».

Сообщение ушло.

Я собрала документы, выключила свет и закрыла мастерскую.

В машине еще несколько минут сидела неподвижно.

Мне было страшно.

Не из-за Андрея.

Не из-за нового заказа.

Я боялась, что после восьми лет, в течение которых все мои планы зависели от возвращения мужа, мне придется самой решать, какой будет моя жизнь.

И никто больше не сможет сказать, правильно я поступила или нет.

Я завела машину.

Дома меня ждала Соня.

Завтра нужно было купить продукты и закончить несколько заказов.

А в понедельник предстояла встреча с человеком, которому я когда-то сказала, что никогда не хочу его видеть.

Я не знала, смогу ли спокойно разговаривать с ним.

Но в этот раз не собиралась отказываться от работы из-за Кирилла.

Даже если Кириллу это не понравится.

Глава 3. Человек из зала суда

В понедельник утром я трижды проверила, все ли взяла для встречи с Мариной Волковой.

Образцы тканей лежали в большой папке. Рулетка, лазерный дальномер, блокнот, карандаши, предварительная смета. Отдельно я положила фотографии нескольких готовых работ, хотя Марина уже видела мои шторы и покрывала.

В половине восьмого позвонила Тамара.

— Ты уже едешь?

— Пока дома. Соню провожу и поеду на замер.

— Тогда напомню про плотный лен. Не предлагай его без подкладки на солнечную сторону. Потом замучаемся с выгоранием.

— Помню.

— И про карнизы не забудь. У них там потолки разные, судя по плану.

— Тамара, я все записала.

— Ты третий день какая-то рассеянная.

Я присела на край кровати.

— Постараюсь собраться.

— Вот и постарайся. Заказ хороший. Нам его терять нельзя.

— Не потеряем.

Я закончила разговор и застегнула сумку.

Соня появилась в дверях с расческой в руке.

— Мам, можешь заплести?

Я удивилась.

Последние полгода она не разрешала мне даже поправлять ей волосы.

— Конечно. Садись.

Она устроилась на стуле перед зеркалом, а я осторожно разделила волосы на пряди.

— Только не тугую, — предупредила она. — У меня потом голова болит.

— Помню.

— И резинку черную.

Я улыбнулась.

— Сколько требований.

— У меня сегодня фотографирование для школьного альбома.

Я остановилась.

— Ты же говорила, что в пятницу.

— Перенесли. Я вчера сказала.

— Наверное, прослушала. Прости.

Соня взглянула на меня в зеркало.

— Ничего.

Я закончила косу, поправила несколько выбившихся прядей.

— Красиво?

Она покрутила головой.

— Нормально.

Для Сони это означало, что результат ей понравился.

Мы позавтракали, собрали вещи и вышли вместе.

По дороге к школе она рассказывала о подруге Насте, которая умудрилась потерять готовый проект по истории. Я слушала, задавала вопросы, но мысленно несколько раз возвращалась к предстоящей встрече.

Андрей Беляев.

За последние дни это имя слишком часто всплывало у меня в голове.

Я пыталась вспомнить, как он выглядел на последнем судебном заседании. Получалось плохо. Остались отдельные подробности: темная рубашка, папка в руках, спокойный голос.

И мой собственный стыд.

Тогда я не считала, что должна стыдиться.

После заседания я догнала Андрея в коридоре и сказала ему все, что думала о предательстве.

В тот день Кирилл выглядел измученным, а судья зачитывал обстоятельства дела таким ровным голосом, будто речь шла о давно сломанном стуле.

Я помнила, как Андрей стоял возле окна.

Помнила свои слова:

«Из-за вас у моей дочери не будет отца».

Он ничего не ответил.

Только посмотрел на меня.

И это молчание тогда разозлило еще сильнее.

— Мам, ты меня слышишь?

Я вздрогнула.

Мы уже подъехали к школе.

— Да. Что?

Соня нахмурилась.

— Я спросила, можно ли после уроков к Насте.

— До которого часа?

— До пяти. Мы проект заново соберем.

— Хорошо. Только напиши, когда придешь к ней.

Она кивнула и взялась за ручку двери.

Потом задержалась.

— Папа вчера написал.

Я посмотрела на дочь.

— Что написал?

— Спросил, как дела. Я ответила.

— Хорошо.

— А потом сказал, что на этой неделе у него много работы.

Соня говорила нарочито спокойно.

— Он обещал встретиться в выходные? — спросила я.

— Нет. Пока не знает.

Я сжала руль.

— Понятно.

— Мам, не надо ему звонить.

— Я не собиралась.

Она внимательно посмотрела на меня, словно проверяла, правда ли.

Потом наклонилась, быстро поцеловала в щеку и вышла.

Я подождала, пока дочь зайдет в школу.

Только после этого достала телефон и открыла переписку с Кириллом.

Написала:

«Соня сказала, что ты пока не знаешь, когда сможете встретиться. Пожалуйста, сообщи ей конкретный день, когда определишься. Она очень ждет».

Сообщение отправилось.

Я убрала телефон.

Раньше я обязательно добавила бы что-нибудь мягкое.

Спросила, как Кирилл устроился.

Не устает ли на работе.

Все ли у него хорошо.

Теперь я заставила себя оставить разговор только о дочери.

Получилось не сразу.

Но получилось.

***

К отелю я подъехала без десяти одиннадцать.

Дорога шла через небольшой поселок, потом сворачивала к старой липовой аллее. За деревьями показалось двухэтаж-

ное здание с широкой верандой.

Я бывала здесь несколько лет назад, когда гостиница принадлежала прежнему владельцу. Тогда в ней проводили свадьбы, семейные праздники и небольшие корпоративы.

Сейчас половина окон была закрыта строительной пленкой. Возле главного входа стоял контейнер для мусора, рядом лежали аккуратно сложенные доски.

На вывеске еще сохранилось старое название, но ниже уже висел новый щит:

«Липовый берег».

Я припарковалась возле серебристого автомобиля, достала сумку и папку с образцами.

Из боковой двери вышел мужчина в рабочей куртке.

Я узнала его раньше, чем он повернулся.

Андрей Беляев.

Он стал старше.

Это было первое, что я отметила.

Темные волосы на висках поседели, лицо стало жестче. Он был высоким, широкоплечим, с той уверенной манерой двигаться, которая бывает у людей, привыкших много работать руками.

Андрей нес деревянную планку и разговаривал по телефону.

— Нет, этот размер не подойдет. Там простенок уже. Я вчера отправлял чертеж, посмотрите еще раз.

Он остановился возле машины.

Выслушал ответ.

— Тогда перезвоните, когда откроете файл. На словах мы второй раз обсуждаем одно и то же.

Закончив разговор, он убрал телефон и поднял голову.

Увидел меня.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Потом Андрей положил планку в багажник и подошел.

— Здравствуйте, Вера Николаевна.

Я крепче взялась за ручку сумки.

— Здравствуйте.

Он остановился в двух шагах.

— Марина Сергеевна внутри. В левом крыле.

— Спасибо.

На этом разговор вполне мог закончиться.

Но Андрей задержался.

— Вы давно работаете с Волковой?

Вопрос был таким обычным, что я растерялась.

— Несколько лет. Сначала делала шторы для ее квартиры.

Он кивнул.

— Понятно.

И отступил в сторону, пропуская меня к входу.

Я прошла мимо.

Уже у двери обернулась.

Андрей снова разговаривал по телефону, рассматривая какую-то бумагу.

Никакого желания продолжить старый спор.

Никаких вопросов о Кирилле.

Он вел себя так, словно мы действительно встретились по работе.

Я неожиданно почувствовала раздражение.

Неужели он совсем не помнил, что произошло восемь лет назад?

Потом одернула себя.

Конечно, помнил.

Просто, в отличие от меня, не собирался обсуждать это на парковке.

***

Марина Сергеевна встретила меня в холле.

На ней были темные брюки, светлая рубашка и удобные ботинки. Волосы собраны в высокий узел, в руках папка с планами.

— Вера, наконец-то! Проходите. Извините за беспорядок.

Она махнула рукой в сторону лестницы, возле которой стояли ведра с краской.

— Мы хотели закончить грязные работы еще на прошлой неделе, но сантехники задержались.

— Ничего страшного.

— Вы Андрея встретили?

— Да.

— Хорошо. Тогда сразу пойдем смотреть номера. Я хочу,

чтобы вы оба понимали, где что будет стоять.

Мы поднялись на второй этаж.

Коридор пах шпаклевкой и древесиной.

Марина открыла первую дверь.

Комната была небольшая, но светлая. Два окна выходили на сад, возле стены стоял старый шкаф, который собирались заменить.

— Здесь будет семейный номер, — объяснила Марина. — Кровать, два кресла, небольшой письменный стол. И обязательно хорошие плотные шторы. Не хочу, чтобы гости просыпались летом в пять утра.

Я положила папку на подоконник.

— Затемнение полное или достаточно плотной ткани с подкладкой?

— Лучше почти полное. Но без тяжелого гостиничного вида.

— Тогда можно подобрать спокойную портьерную ткань, а с изнанки использовать затемняющую подкладку.

Марина кивнула.

— Хорошо. А цвет?

Я разложила несколько образцов.

Она сразу потянулась к теплому серо-бежевому.

— Вот этот нравится.

— Он подойдет к светлому дереву. Только нужно посмотреть при другом освещении.

В дверях появился Андрей.

В руках у него была рулетка и сложенный лист с размерами.

— Марина Сергеевна, по двум шкафам нужно согласовать глубину. Иначе не останется нормального прохода возле кровати.

— Вот поэтому я и просила вас обоих прийти, — ответила хозяйка. — Давайте сразу посмотрим.

Андрей подошел к дальней стене.

Я убрала образцы и достала дальномер.

— У вас здесь шкаф будет до потолка? — спросила я.

— Да. С распашными дверцами.

Он показал на чертеже расположение мебели.

— Вот так.

Я внимательно посмотрела.

— А карниз вы где планировали?

— По всей ширине оконной стены, — ответила Марина.

— Тогда между шкафом и крайним полотном нужно оставить запас. Иначе плотная штора будет мешать открывать дверцу.

Андрей взглянул на чертеж.

— У нас по проекту остается двенадцать сантиметров.

— Для легкой ткани хватило бы. Для плотной портьеры со складками — нет, если она будет собрана именно с этой стороны.

Он измерил расстояние от угла до предполагаемой боковой стенки шкафа.

— Сколько вам нужно?

— Зависит от коэффициента сборки. Но если хотим убрать полотно к стене и полностью открывать окно, лучше не оставлять это на последние сантиметры.

Марина посмотрела на нас обоих.

— Что предлагаете?

Я подошла к окну.

— Можно сделать раздвижение от центра и изменить положение крайнего ограничителя. Часть ткани в открытом состоянии останется возле окна, зато ничего не будет задевать шкаф.

Андрей подошел ближе.

— Тогда немного перекроете стекло.

— Да. Но не больше, чем если поставить обычный короткий карниз.

Он рассмотрел стену.

— А если шкаф сделать на четыре сантиметра уже?

Я повернулась к нему.

— Это поможет?

— Не решит все, но добавит места.

Мы несколько минут обсуждали размеры.

Андрей говорил коротко, по существу. Когда я объясняла особенности ткани, не перебивал. Один раз переспросил, почему нельзя просто уменьшить ширину полотен.

Я показала на образце, как меняется складка.

— Если сильно уменьшить сборку, ткань перестанет вы-

глядеть так, как вы ее сейчас видите. Особенно на большой высоте.

Он провел пальцами по материалу.

— Понятно.

Потом повернулся к Марине.

— Я могу изменить ширину шкафа. Вера Николаевна подберет подходящий карниз и проверит объем ткани на замере.

— Отлично, — сказала Марина. — Вот видите, как хорошо, когда все обсуждается заранее.

Я молча записала размеры.

Мне было неприятно признавать, но Андрей действительно разбирался в своем деле.

Он не пытался доказать, что мебель важнее текстиля.

Не отмахнулся от замечания.

И не сделал вид, что все вопросы должна решать Марина.

Мы просто нашли рабочий вариант.

Я давно привыкла к разговорам с подрядчиками, которые считали шторы чем-то второстепенным. Обычно приходилось объяснять, почему нельзя сначала установить мебель вплотную к окну, а потом требовать, чтобы ткань каким-то образом разместилась в оставшемся пространстве.

Андрей понял проблему после нескольких измерений.

Это неожиданно облегчило работу.

Но не изменило того, что я о нем помнила.

***

Следующие полтора часа мы ходили по номерам.

Марина показывала, что собирается менять. Я измеряла окна, записывала высоту потолков, отмечала расположение радиаторов и розеток.

Андрей проверял проемы, уточнял размеры шкафов и обсуждал с хозяйкой мебельные материалы.

В некоторых комнатах наши задачи почти не пересекались.

В других приходилось согласовывать каждую мелочь.

На втором этаже окна были выше, чем внизу. В трех номерах трубы отопления выступали от стены сильнее, чем на плане. В одном помещении строители еще не закончили откосы.

Я несколько раз просила Марину не утверждать окончательные размеры до завершения этих работ.

— Я понимаю, — сказала она. — Но мне хочется уже все заказать.

— Заказать ткань можно после выбора партии, — объяснила я. — А вот окончательную длину лучше фиксировать после чистовых работ. Иначе потом придется переделывать.

— А это сильно затянет сроки?

— Не обязательно. Мы можем сначала подготовить верхнюю обработку и часть изделий, а длину уточнить перед

окончательным пошивом.

Андрей стоял возле двери и делал пометки.

— С мебелью похожая история, — заметил он. — Если строители еще будут выравнивать стены, точные размеры встроенных шкафов сейчас утверждать рано.

Марина вздохнула.

— Кажется, я купила себе не гостиницу, а работу на всю оставшуюся жизнь.

Я улыбнулась.

— Зато потом будете знать каждый сантиметр.

— Уже знаю. Мне сегодня ночью приснилось, что я выбираю плинтусы.

Андрей усмехнулся.

— Главное, чтобы во сне они подходили по размеру.

Марина рассмеялась.

Я тоже улыбнулась, хотя старалась не смотреть на него.

Юмор был самый обычный.

Но мне вдруг стало неловко от того, что я вообще заметила его улыбку.

Восемь лет назад я видела в Андрее только человека, который свидетельствовал против мужа.

Оказывается, он умел шутить.

Это было совершенно неважное открытие.

И почему-то неприятное.

Когда мы спустились в общую гостиную, Марина попросила меня предложить два варианта оформления.

Один — более спокойный, второй — чуть ярче.

Я разложила ткани на большом столе возле окна.

Солнечный свет падал на образцы, и оттенки выглядели совсем иначе, чем при искусственном освещении мастерской.

Марина выбрала мягкий оливковый цвет.

— Не будет слишком темно?

— Если стены останутся светлыми, нет. Но я бы добавила сюда более легкую ткань для дневного света.

Она прикладывала образцы к стене, отходила на несколько шагов, возвращалась.

Андрей тем временем проверял высоту будущих полок.

— Вера Николаевна, — позвал он, — у вас тут карниз будет под потолком?

Я подошла.

— Да. А что?

— Тогда мне нужно опустить верхнюю полку стеллажа на три сантиметра. Сейчас она слишком близко к линии крепления.

Я посмотрела на стену.

— Лучше на пять. Там еще будет монтажный профиль.

— Пять?

— Да.

Он сделал отметку карандашом.

— Хорошо.

Я ждала хотя бы одного замечания.

Но Андрей просто записал нужный размер.

Потом сказал:

— Если будете менять тип карниза, предупредите до изготовления стеллажа.

— Предупрежу.

— Мне тогда не придется его переделывать.

— А мне не придется объяснять, почему шторы упираются в полки.

Он посмотрел на меня.

Секунду мы молчали.

Потом Андрей чуть улыбнулся.

— Договорились.

Я отвернулась к образцам.

Не знаю, почему этот разговор запомнился мне сильнее других.

Наверное, потому, что я давно не встречала мужчину, с которым можно было спорить о работе и не ждать, что он примет возражение за личное оскорбление.

Но я тут же напомнила себе, что это всего лишь рабочая встреча.

И что человек передо мной когда-то был другом Кирилла.

***

К половине второго Марина предложила сделать перерыв.

Мы устроились в небольшом помещении на первом этаже,

которое она временно использовала как кабинет.

На столе стоял электрический чайник, рядом лежали строительные планы, коробка печенья и несколько пластиковых стаканов.

— Простите, нормальной кухни пока нет, — сказала Марина.

— Мы прекрасно обойдемся чаем, — ответила я.

Андрей отказался от печенья, налил себе воды и сел возле окна.

Марина открыла папку.

— Давайте теперь обсудим деньги и сроки.

Я достала предварительную смету.

— По текстилю я считала четырнадцать номеров и общую гостиную. Включила материалы, пошив, крепления, доставку и монтаж.

— Итоговая сумма?

— Семьсот двадцать тысяч рублей.

Марина посмотрела на расчет.

Я заранее подготовила детализацию, поэтому сразу развернула лист.

— Здесь стоимость тканей, отдельно работа, фурнитура, доставка. На некоторые позиции цена может немного измениться после окончательного выбора материала. Но я заложила запас и не планирую выходить за эту сумму без вашего согласования.

Марина внимательно прочитала.

— А если будем делать постепенно?

— Так даже удобнее. Только нужно заранее заказать основную партию ткани для всех номеров, чтобы потом не оказалось разницы в оттенке.

— Да, это важно.

— Поэтому я предлагаю аванс шестьдесят процентов. Он позволит закупить материалы и запустить первые этапы. Остальное разделим на два платежа по факту выполнения работ.

Марина посмотрела на меня поверх очков.

— Шестьдесят процентов — довольно много.

Я ожидала этого вопроса.

— Основная часть расходов приходится на ткани и фурнитуру. Если мы будем закупать материалы маленькими партиями, цена может измениться, а одинакового оттенка потом не окажется. Я готова прописать в договоре перечень закупок и график сдачи.

— А если задержится ремонт?

— Тогда будем переносить монтаж, но готовые изделия не придется переделывать, если вовремя согласуем окончательные размеры. Для этого я и прошу этапную приемку.

Марина некоторое время рассматривала документы.

Потом кивнула.

— Логично.

Я почувствовала облегчение.

— По срокам предлагаю закончить к концу сентября. Это

с запасом на задержки строительных работ.

— Мне подходит. Открывать все номера одновременно мы все равно не планируем.

Андрей поднял голову.

— По мебели у нас отдельный график. Я смогу дать точные даты после утверждения материалов и завершения отделки первого крыла.

Марина посмотрела на нас обоих.

— Я хочу, чтобы вы работали согласованно. Без ситуации, когда один подрядчик обвиняет другого, а мне приходится разбираться, кто виноват.

— Согласна. Но договоры у нас будут отдельные.

Андрей повернулся ко мне.

— Конечно.

Марина улыбнулась.

— Именно так я и собиралась делать. Просто общие этапы надо увязать.

Мы обсудили последовательность ремонта.

Сначала четыре номера первого крыла, затем остальные помещения на первом этаже, после этого второй этаж и общая гостиная.

Я записала примерные даты.

Андрей предложил сделать отдельный список точек, где мебель и текстиль могут мешать друг другу при монтаже.

— Чтобы потом не искать виноватых, — пояснил он.

Марина засмеялась.

— Отличная мысль. Я уже устала слушать, что кто-то кому-то не передал размеры.

Я открыла блокнот на чистой странице.

— Тогда начнем сейчас.

Мы прошлись по планам.

В семейном номере нужно было уточнить расположение шкафа.

В двух комнатах — высоту крепления карнизов.

В гостиной — расстояние между стеллажом и оконным проемом.

Я записывала свои вопросы, Андрей — свои.

Когда дошли до последнего пункта, Марина посмотрела на часы.

— Прекрасно. Теперь хотя бы понятно, с чего начинать.

Она собрала бумаги.

— Вера, я попрошу вас прислать окончательную смету и проект договора завтра. Андрей, от вас жду обновленные чертежи по мебели.

— Сделаю, — ответил он.

— И еще. Я не хочу, чтобы вы общались только через меня по каждой мелочи. Если вопрос касается размеров, решайте напрямую. Потом присылайте мне согласованное решение.

Я напряглась.

Марина продолжала:

— Так мы сэкономим уйму времени.

— Конечно, — сказала я.

Андрей кивнул.

— Без проблем.

Я посмотрела на него.

Он вел себя совершенно спокойно.

Словно ему действительно не составляло труда работать рядом со мной.

А я вдруг поняла, что сама пока не могу отделить его от той старой истории.

***

После совещания Марина ушла к строителям.

Мне нужно было еще раз проверить высоту одного окна, поэтому я поднялась на второй этаж.

В коридоре было тихо.

За открытой дверью слышались голоса рабочих, но в нужном номере никого не оказалось.

Я поставила сумку на подоконник, достала дальномер и сделала несколько измерений.

Высота до чистового потолка отличалась от указанной на плане почти на четыре сантиметра.

Я записала результат.

Потом услышала шаги.

В дверях появился Андрей.

— Вы здесь?

Я повернулась.

— Проверяю окно. На плане другая высота.

— Строители подшивали потолок.

— Я уже поняла.

Он подошел, посмотрел на мои записи.

— Насколько отличается?

— На четыре сантиметра.

— Значит, чертежи опять придется менять.

— Вам здесь тоже что-то крепить?

— Нет. Просто мне нравится, когда размеры в документах совпадают с тем, что есть на самом деле.

Я невольно улыбнулась.

— Мне тоже.

Мы замолчали.

Андрей посмотрел на дальномер у меня в руке.

— Удобная модель?

— Да. Третий год пользуюсь. Только батарейки быстро садятся.

— У меня похожий. Если часто работать, лучше аккумуляторы взять.

— Надо попробовать.

Он кивнул.

Мне следовало собрать вещи и уйти.

Но я стояла возле окна и вдруг остро чувствовала, что мы остались вдвоем.

В последний раз это произошло в коридоре суда.

Тогда я кричала на него.

Сейчас перед нами лежал обычный рабочий блокнот.

И все равно прошлое никуда не делось.

Андрей первым нарушил молчание.

— Вера Николаевна, я понимаю, что вам неприятно со мной работать.

Я медленно опустила дальномер.

— Почему вы так решили?

Он посмотрел на меня без улыбки.

— Потому что помню наш последний разговор.

У меня похолодели щеки.

— Значит, помните.

— Конечно.

Я отвела глаза.

— Тогда, наверное, понимаете почему.

Андрей некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Я не собираюсь обсуждать с вами Кирилла на этом объекте.

Я резко повернулась.

— А я и не собиралась.

— Хорошо.

Он произнес это спокойно.

Без раздражения.

И почему-то мне стало еще неприятнее.

— Вы ведь могли отказаться от заказа, когда узнали, что здесь буду я, — сказала я.

— Мог.

— Но не отказались.

— Нет.

— Почему?

Андрей посмотрел на открытое окно.

Во дворе рабочие разгружали длинные коробки.

— Потому что мне нужна эта работа. У меня сотрудники, производство и сроки. Отказываться от нормального заказа из-за старой ссоры я не собираюсь.

Я молчала.

Ответ был настолько простым, что спорить оказалось не с чем.

— И потом, — добавил он, — вы тоже не отказались.

Я почувствовала, как краска приливает к лицу.

— Мне тоже нужна работа.

— Вот и хорошо.

Я посмотрела на него.

— Вы так спокойно об этом говорите.

— А что вы предлагаете? Снова выяснять отношения в коридоре?

Слова задели.

Я вспомнила, как восемь лет назад догнала его возле лестницы.

Тогда он держал в руках папку и собирался уходить.

Я остановила его.

Сказала, что он разрушил нашу семью.

Что Кирилл доверял ему.

Что из-за его показаний моя дочь будет расти без отца.

Андрей пытался объяснить, что произошло с деньгами клиентов.

Я не слушала.

Теперь мне было стыдно вспоминать, сколько людей тогда находилось рядом.

— Вы могли мне ответить, — сказала я.

— Я пытался.

Я опустила глаза.

Он не повышал голос.

Не обвинял.

Но от этого его ответ не становился менее неприятным.

— Вы тогда сказали, чтобы я больше не приближался к вашей семье, — напомнил Андрей.

— Помню.

— Я и не приближался.

Он сделал короткую паузу.

— Сегодня мы оба приехали сюда работать. Не думаю, что Марина Сергеевна должна разбираться в нашей истории.

Я крепче сжала блокнот.

— Согласна.

— Тогда давайте договоримся, что рабочие вопросы будем решать как подрядчики.

Он посмотрел на меня.

— Если вы с чем-то не согласны, говорите прямо. Я буду

делать то же самое.

Я подняла голову.

— Я всегда говорю прямо.

На этот раз Андрей усмехнулся.

Совсем немного.

— Это я помню.

Я вспыхнула.

Он сразу посерьезнел.

— Извините. Не хотел вас задеть.

Я отвернулась к окну.

— Ничего.

Некоторое время мы молчали.

Потом Андрей подошел к дверному проему.

— Я отправлю вам обновленный план по мебели. Там будут все размеры, которые сегодня изменили.

— Хорошо.

— Если увидите проблему, напишите до утверждения чертежей.

— Напишу.

Он кивнул и ушел.

Я осталась одна.

В коридоре постепенно стихли его шаги.

Я положила дальномер в сумку, закрыла блокнот.

Мне хотелось разозлиться.

На его спокойствие.

На уверенный голос.

На то, что он не пытался оправдываться.

Но больше всего я злилась на себя.

Потому что впервые за много лет подумала, что, возможно, знаю об этом человеке меньше, чем мне казалось.

***

Когда я вернулась в мастерскую, Тамара сидела за раскройным столом с чашкой чая.

— Ну что?

Я поставила сумку.

— Вроде договорились.

— Сколько номеров?

— Четырнадцать. И общая гостиная.

Тамара присвистнула.

— Немало.

— Да. Будем делать поэтапно. Сегодня все измерила, завтра смету отправлю.

— А с тем мужчиной как?

Я подняла глаза.

— С каким?

— С Беляевым. Ты же из-за него переживала.

Я сняла куртку.

— Нормально.

— Просто нормально?

— Тамара, мы работали.

Она внимательно посмотрела на меня.

— И все?

— А что еще должно быть?

— Ничего. Просто спрашиваю.

Я села за компьютер.

Открыла таблицу с расчетами и начала переносить новые размеры.

Тамара некоторое время молчала.

Потом подошла с чашкой кофе.

— Вера.

— Что?

— Ты когда последний раз нормально ела?

Я подняла голову.

— Сегодня.

— Что?

Я задумалась.

Утром выпила кофе и съела половину бутерброда, который не доела Соня.

Потом в гостинице выпила чай.

— Завтракала, — сказала я не слишком уверенно.

Тамара вздохнула.

— Понятно.

Она поставила передо мной контейнер.

— Тут котлеты. Я вчера делала. Две лишние остались.

Я посмотрела на нее.

— Тамара...

— Только не начинай. Мне одной столько не съесть. А ты сейчас сядешь за расчеты и до вечера будешь сидеть.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

Она махнула рукой и вернулась к машинке.

Я открыла контейнер.

Котлеты оказались домашними, с чесноком и луком.

Ела прямо за столом, рассматривая рабочие записи.

Через несколько минут Тамара спросила:

— Беляев хоть работать умеет?

Я вспомнила, как Андрей измерял простенки, проверял чертежи и спокойно согласовывал изменения.

— Умеет.

— Это хорошо. А то нам только чужих ошибок не хватало.

— Он внимательно работает.

Тамара посмотрела на меня поверх очков.

— Так, значит, не все плохо.

— Я и не говорила, что все плохо.

— Я вообще про заказ.

Мне показалось, что она с трудом сдерживает улыбку.

Я покачала головой и вернулась к смете.

***

Следующий день я почти целиком посвятила гостинице.

Пересчитала материалы, запросила актуальные цены у

двух поставщиков, уточнила наличие ткани нужного цвета.

Одна фабрика могла отгрузить весь необходимый метраж сразу. Другая предлагала цену немного ниже, но часть ткани обещала через месяц.

Я выбрала первый вариант.

Разница в стоимости была неприятной, но риск получить две партии разного оттенка оказался слишком большим.

Тамара проверила мои расчеты.

— По ткани все правильно. Только на гостиную я бы еще два метра заложила.

— Почему?

— Посмотри ширину полотна. У нас там рисунок. Если захотим совместить, лучше иметь запас.

Я добавила материал.

— Согласна.

— И не забудь про доставку.

— Уже включила.

Мы еще раз прошлись по смете.

Общая стоимость оставалась семьсот двадцать тысяч.

Я могла получить хорошую прибыль, если не допущу грубых ошибок и уложусь в сроки.

Но это не были деньги, которые можно сразу положить в карман.

Нужно было купить материалы, оплатить работу Тамары и помощницы, аренду, доставку, налоги.

Я привыкла считать все заранее.

В первые годы работы несколько раз ошибалась, соглашаясь на заказы, которые выглядели прибыльными только до покупки ткани.

Теперь старалась не повторять таких ошибок.

К обеду отправила Марине окончательную смету, график этапов и проект договора.

Потом открыла рабочую почту.

От Андрея пришло письмо.

«Добрый день. Направляю обновленные чертежи мебели по первому и второму этажам. В семейном номере шкаф уменьшили на четыре сантиметра. В гостиной опустили верхнюю полку на пять. Проверьте, пожалуйста, достаточно ли места под ваши крепления».

Я открыла вложение.

Все изменения были отмечены цветом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.